

ЛИАНА ВЕЙЛ

ПОХОРОННОЕ БЮРО
ПОПАДАЮЩЕЙ
или
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА
РАНО ХОРОНИТЬ

Лиана Вейл

**Похоронное бюро попаданки, или
Генерала-дракона рано хоронить**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Похоронное бюро попаданки, или Генерала-дракона рано хоронить
/ Л. Вейл — «Автор», 2026

Шесть лет я готовила покойников к похоронам и думала, что меня уже ничем не удивить. А потом сама очнулась в гробу — в чужом мире и чужом теле. Теперь меня зовут Мира Вельс. В наследство мне достались разорённый похоронный дом, чужие долги и гильдия, которая мечтает отобрать последнее имущество. Но к вечеру появляется проблема похуже: мне привозят прославленного генерала-дракона Кайрена Ардента с приказом сжечь его до рассвета. Только генерал не умер. Его сердце украдено, имя внесено в Реестр Угасших, а те, кто это устроил, уже знают, что я начала задавать вопросы. Теперь в моём подвале прячется самый разыскиваемый покойник империи. Чтобы спасти его и не завершить собственные похороны, мне придётся раскрыть тайну прежней Миры и пойти против могущественной гильдии. Вот только весь город ищет беглого мертвеца, а я всё меньше хочу его отдавать. И дело уже не в профессиональной совести. Однотомник. ХЭ.

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мои собственные похороны	5
Глава 2. Не сжигать до рассвета	12
Глава 3. Дракон в подвале	19
Глава 4. Похороны для тех, у кого нет денег	26
Глава 5. Мёртвым вход запрещён	33
Глава 6. Цена хорошей смерти	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лиана Вейл

Похоронное бюро попаданки, или Генерала-дракона рано хоронить

Глава 1. Мои собственные похороны

Сознание возвращается не сразу; оно приходит мелкими неприятными порциями. Поначалу возник запах: сладкий воск, сушёная полынь и ещё что-то густое, цветочное, от чего першит в горле. Затем я понимаю, что лежу на спине, руки сложены на животе, а пальцы стянуты узкой лентой. Наконец приходит боль. Она сидит под рёбрами, тянет затылок и медленно пробует на прочность виски. Я хочу повернуть голову, но щекой упираюсь в прохладную ткань, а над лицом темнота такая плотная, что первое время даже не открываю глаза. Всё равно смотреть некуда.

Воздуха мало. Я втягиваю носом воск и полынь, шевелю ступнями и задеваю что-то твёрдое. Слева твёрдо, справа тоже, а в десяти сантиметрах над лицом — дерево, обитое тканью. Шесть лет работы танатопрактиком учат отличать внутреннюю обивку гроба от больничной простыни на ощупь. И только потом до меня доходит, что профессиональная наблюдательность ничем не помогает.

Я лежу в гробу.

Паника всё-таки приходит, просто с опозданием. Сердце колотится, крышка будто опускается ниже, хотя гробы не становятся теснее от того, что покойник передумал. Я пытаюсь разорвать ленту и царапаю ногтем кожу. Больно. Хорошо. Мёртвым обычно не больно, но сегодня у меня богатый день на новые сведения.

Снаружи кто-то говорит. Голоса приглушены деревом, однако слов я не разбираю, слышу только низкое женское ворчание и другой голос, суше, ровнее. Затем совсем рядом скрипит половица.

— Не трогайте подсвечники, — произносит первая женщина. — Они принадлежат дому Вельс, а не вашей гильдии.

— Пока принадлежат, госпожа Тильда. Я лишь составляю опись.

— Моя племянница ещё не остыла, а вы уже считаете мебель.

— Именно поэтому я жду окончания церемонии.

Низкий голос отвечает чем-то, что дерево проглатывает. Я цепляюсь за слова «племянница», «церемония», «опись» и пытаюсь понять, почему незнакомые женщины разговаривают по-русски. Впрочем, сейчас важнее другое: меня хоронят, а у гроба уже делят подсвечники.

Я набираю воздуха и бью ладонями в крышку. Получается негромко: руки связаны, локти упираются в стенки, да и сил подозрительно мало. Разговор снаружи обрывается.

— Что это было? — спрашивает сухой голос.

— Старое дерево, — после паузы отвечает госпожа Тильда.

От такой наглости я даже перестаю бояться и бью снова, теперь пятками. Гроб отзывается глухим ударом. Где-то дальше ахают, одна за другой звякают чашки, а затем наступает тишина — не обычная, а человеческая, когда в комнате полно народа и каждый надеется, что первым происходящее объяснит кто-нибудь другой.

— Старое дерево стучит пятками? — всё так же ровно интересуется вторая женщина.

Я пытаюсь крикнуть, но из ободранного горла вырывается сип. Тогда я снова колочу в крышку, уже без всякого достоинства. Покойников я никогда не боялась: они не хамят, не

опаздывают и не жалуются на румянец. Зато перспектива самой провести несколько часов в гробу внезапно открывает профессию с другой стороны.

Над головой раздаётся металлический щелчок. Крышка приподнимается на палец, внутрь врывается свет, режет глаза и тут же исчезает: кто-то снаружи выпускает край.

— Она дышит, — шепчет совсем молодой голос.

— Фенн, отойди, — приказывает госпожа Тильда.

Крышку поднимают уже окончательно. Я зажмуриваюсь, кашляю и пытаюсь сесть, но тело не слушается, поэтому вместо торжественного возвращения к жизни получается жалкое копошение в белой ткани. Меня подхватывают под плечи сухие сильные руки. Перед глазами плавает золотой свет десятков свечей, чёрные платья, венки из незнакомых серых цветов и лица. Их много. Одни вытягиваются от ужаса, другие белеют; полный мужчина у дальней стены машинально крестится, только складывает пальцы не так, как принято у нас, а касается сначала лба, потом губ и горла.

— Воды, — говорю я и сама едва узнаю свой голос.

Женщина в пышной шляпе валится на соседа, тот цепляет подставку с венком, и серые цветы рассыпаются по полу. Люди разом бросаются к выходу, застревают в дверях, толкаются, ругаются. Через несколько секунд зал почти пуст. Остаются высокая женщина в сером пальто, мальчишка лет пятнадцати и старуха, поддерживающая меня под плечи.

Она совсем не похожа на человека, который счастлив возвращению племянницы. Крупное лицо застыло, губы побелели, тёмные глаза быстро ощупывают меня с головы до ног. На поясе висит связка серебряных ключей, от одежды пахнет можжевельником и горьким табаком.

— Мира, — наконец произносит она.

Я смотрю за её плечо, почти надеясь, что там стоит ещё одна ожившая покойница. Никого. Только раскрытые двери, перевёрнутый стул и две женщины, забывшие сбежать. Одна из них медленно пятится к коридору.

— Воды ей дай, Лесса, — бросает старуха, и та уносится с таким облегчением, будто её помиловали.

Строгая женщина не двигается. На её груди поблёскивает пластина с выгравированным вороном, в руках остаются толстая папка и чёрный карандаш. Даже оживший покойник не заставил её выпустить опись.

— Госпожа Вельс, вы меня слышите? — спрашивает она.

— К сожалению, — хриплю я.

Мальчишка давится смешком и тут же делает вид, что кашляет. У него рыжие волосы, веснушки и чёрный сюртук настолько большой, что рукава приходится подворачивать дважды.

Женщина в сером подходит не ко мне, а к гробу, проверяет обивку и лишь затем берёт меня за запястье. Я не возражаю: пусть ищет пульс. Сейчас мне самой интересно, есть ли он.

— Сердце работает, — говорит она так, словно подозревала его в уклонении от обязанностей. — Кто подтверждал смерть?

— Лекарь гильдии, которого привели ваши люди.

— Имя.

— Спросите у своих людей.

— Спрошу. Свидетельство об угасании я изымаю.

— Сначала вы уберёте от неё руки.

Тильда говорит тихо, но женщина отпускает моё запястье. На коже остаются красные следы, а чуть выше, с внутренней стороны предплечья, я замечаю тёмное пятно. Не синяк — тонкие разветвлённые линии, как если бы под кожу впитались чернила. Они тянутся к локтю и исчезают под белым рукавом.

Принесённую воду я выпиваю жадно. Тильда сердито вытирает мой подбородок краем собственного рукава, но рука у неё дрожит.

— Подняться можешь?

Я пробую. Комната кренится влево, свечи растягиваются золотыми полосами. Тильда подхватывает меня, с другой стороны помогает мальчишка.

— Я вернусь через час, — предупреждает она. — Госпожа Вельс должна пройти освидетельствование. До решения гильдии дом остаётся под наблюдением.

— Сельда, — окликает её Тильда.

Женщина оборачивается.

— Если окажется, что ваш лекарь едва не отправил живую девушку в печь, я продам этот дом, ваши подсвечники и собственные зубы, но добьюсь разбирательства.

— Сначала убедитесь, что она действительно вернулась одна, — отвечает Сельда и выходит.

Тильда тащит меня к боковой двери. Белое платье путается в ногах, с подола осыпаются лепестки. На груди лежит пластинка: «Мира Вельс. Двадцать семь лет». Две выбитые ниже даты мне ни о чём не говорят.

Мне тридцать один. Меня зовут Вера Соколова. И до сегодняшнего дня я никогда не носила серебро с собственным именем на груди.

Наверх ведёт узкая лестница, и каждый шаг отдаётся тошнотой. Коридоры обиты выцветшей зелёной тканью, на дверях висят таблички: «Малый зал», «Комната омовения», «Семейная гостиная». Под потолком тянутся медные трубки, в них тихо шуршит вода. За окнами дождь смешивается с плеском канала и далёкими корабельными гудками.

Тильда усаживает меня на кровать, задёргивает шторы и снимает с лица белую сетку, которой я до сих пор не замечала. Похоронная вуаль расшита серебряными узелками; один царапает щёку.

— Не трогай, — старуха складывает вуаль серебром внутрь. — Фенн, вниз. Собери цветы и закрой вход. Кто сунется — говори, что хозяйка воскресла, но приём сегодня не ведёт.

— А если придёт госпожа Корр?

— Скажешь, что я умерла следом. И соврёшь убедительно.

Фенн смотрит на меня. В его взгляде нет суеверного ужаса, только жадное любопытство и осторожность человека, который привык получать по шее за лишний вопрос.

— Вы и правда были там? — спрашивает он.

— Где?

— Ну... по ту сторону.

— Фенн.

— Уже ушёл.

Он исчезает за дверью, прежде чем Тильда успевает снять с пояса ключ. Я придерживаю ладонью рёбра и рассматриваю гладкие пальцы без знакомого шрама от разбитой ампулы. Это не моё тело. Я поняла ещё в гробу, просто до сих пор откладывала эту мысль, как неприятный звонок, на который нельзя не отвечать бесконечно.

В потемневшем зеркале отражается молодая женщина с тёмно-русыми волосами, узким лицом и серо-зелёными глазами. Я касаюсь незнакомой щеки, отражение повторяет движение. Никаких чудес, кроме главного.

— Сядь, пока снова не упала, — говорит Тильда.

Я слушаюсь. Она капает в воду лекарство с запахом мяты и жжёного сахара и следит, пока я выпью.

— Как меня зовут? — спрашивает Тильда.

— Вас называли Тильдой.

— Кто я тебе?

— Судя по разговору внизу, тётя.

— Сколько тебе лет?

— На табличке было двадцать семь, но вы спрашиваете не про неё.

Врать бессмысленно. Она видела племянницу живой и мёртвой, а теперь лишь проверяет, хватит ли у незваной гостьи наглости всё отрицать.

— Тридцать один.

Тильда прикрывает глаза. Не крестится и не зовёт лекаря, только сильнее сжимает набалдашник трости.

— Имя?

— Вера.

— Откуда?

— Из другого мира, если это не посмертная галлюцинация. Там нет гильдий и серебряных табличек. Зато гробы примерно такие же.

— Ты много о них знаешь?

— Я готовила умерших к похоронам.

Старуха долго смотрит на меня, а затем смеётся — хрипло и без веселья.

— Значит, боги всё-таки издеваются. Мира боялась заходить в холодную без меня, зато дар получила именно она. А теперь в её теле сидит женщина, которая добровольно возилась с покойниками.

— Не добровольно. За зарплату.

Тильда усмехается краем рта и тут же снова мрачнеет.

— Последнее, что ты помнишь?

Я закрываю глаза. Белый кафель, лампа над столом, поздний час и резкий запах, который не удаётся вспомнить. Потом кто-то словно вырезал конец плёнки.

— Я работала. Дальше ничего.

— Здесь ты умерла вчера перед рассветом. Три дня горела, почти не приходила в себя.

— От чего началась горячка?

Тильда переводит взгляд на сложенную вуаль.

— Тебя ночью вызвали в центральную ритуальную осмотреть тело перед передачей нашему дому. Ты вернулась под утро, промокшая, с чёрными пальцами и прожжённым рукавом. Сказала, что в гильдии ошиблись, но объяснить уже не смогла. Потом на руке проступили эти жилы.

Она касается моего предплечья рядом с тёмным пятном, не задевая его.

— Чьё тело?

— Генерала Кайрена Ардента.

Имя мне ничего не говорит, зато за дверью что-то с грохотом падает. Фенн, который якобы ушёл вниз, ругается шёпотом. Тильда даже не поворачивает головы.

— И что с ним случилось?

— Погиб на службе. Так написано в извещении. Тело должны были привезти сегодня утром, но после твоей смерти я отправила отказ. Решила, что на этом всё закончится.

— Судя по вашему лицу, не закончилось.

— В доме Вельс давно ничего не заканчивается вовремя. Особенно долги.

Она достаёт пачку счетов, перевязанных красной нитью. Знаки сначала выглядят незнакомыми, потом смысл проступает сам собой, словно глаза этого тела знают правила раньше меня. На верхнем листе красной тушью выведено предупреждение об изъятии имущества.

— Мира была единственным проводником с лицензией. Я больше не могу работать руками, Фенн ещё ученик. Если гильдия признает тебя недееспособной или решит, что дар исчез, дом заберут. Сельда пришла не проститься, а поставить печать на дверях.

— А теперь?

— Теперь она будет ждать удобного повода. Ты испортила ей опись.

В другой жизни у меня были съёмная квартира, кредит за старенькую машину и начальница, экономившая на перчатках. Здесь — чужое лицо, пятно под кожей и похоронный дом, который собираются отнять раньше, чем я научусь ходить по лестнице.

— Вы очень спокойно отнеслись к тому, что ваша племянница умерла, а потом встала с другой женщиной внутри.

Тильда забирает у меня бумаги и ровняет края.

— Моя племянница не встала. Но её тело дышит, а ты не начала врать, когда могла. На сегодня достаточно. Завтра решу, что с тобой делать.

Ответ жестокий, зато честный. Я киваю и понимаю, что голодна — не символически, а до спазма в пустом животе.

— Найду одежду и еду. Для Сельды у тебя последствия яда и провалы в памяти. Понятно?

— А если она спросит, кто император?

— Скажешь, что после знакомства с её лекарем забыла из принципа.

Внизу стучит входной молоток. Вскоре Фенн влетает в комнату с мокрыми волосами и свёрнутой бумагой.

— Госпожа Тильда, там гильдейский курьер. Отказ не приняли.

Тильда берёт бумагу с чёрной печатью-вороном и дважды перечитывает.

— Тело генерала доставят к восьмому вечернему колоколу, — говорит она. — Подготовку должны завершить до рассвета. Кремирование назначено на первый утренний.

— Почему так быстро? — спрашиваю я.

— Потому что он дракон.

Я жду продолжения, но его нет.

— Настоящий дракон?

Фенн смотрит на меня с жалостью.

— Генерал командовал воздушной стражей. Конечно, настоящий. На западной башне он нарисован во весь бок.

— Ты его видел?

— Нет. Но на монетах он сердитый.

Под печатью выведено: в случае отказа дом Вельс немедленно лишается лицензии. Очень удобно. Покойник ещё не приехал, а меня уже заставляют выбирать между ним и крышей над головой.

— Мы не можем принять тело, — говорит Тильда. — Ты едва стоишь.

— Если не примем, дом заберут.

— Дом всё равно заберут, если ты испортишь генеральские похороны.

— Значит, постараюсь не испортить.

В раздражении Тильды впервые появляется слабая надежда. Она мне не нравится: чужую надежду всегда вручают тому, у кого и без того заняты руки.

— Ты не знаешь наших обрядов.

— Зато знаю тела. А обряды вы мне покажете.

— Может, сначала поедим? — предлагает Фенн. — После возвращения с того света нельзя работать натошак.

— Где слышал?

— Только что придумал. Но звучит разумно.

К восьмому вечернему колоколу дождь усиливается, перечёркивает окна и сбивает с канала запах водорослей и угольного дыма. Я успеваю поесть, переодеться и дважды пройти до ритуальной, чтобы ноги перестали дрожать. Тильда показывает шкафы с маслами и солями. Инструменты здесь непривычной формы, но назначение большинства я понимаю. На дальней стене висит медная пластина с концентрическими кругами; при моём приближении металл теплеет.

— Дар остался, — говорит Тильда у меня за спиной.

— Что именно он делает?

— Если повезёт, помогает услышать то, что покойный не успел сказать. Если не повезёт — показывает, как он умирал.

— А если совсем не повезёт?

— Показывает то же самое перед ужином.

Пользоваться неизвестным даром пока никто не требует. От меня ждут более понятных вещей: вымыть тело, облачить в форму и не спрашивать, почему прославленного генерала хотят сжечь через несколько часов после доставки.

За воротами звенит цепь, колёса тяжело стучат по камню. Фенн отдёргивает занавеску.

— Шесть гвардейцев. И госпожа Корр снова здесь.

— Какая преданная женщина, — бормочет Тильда.

В приёмном зале уже убрано, только между досками застряли серые лепестки с моих похорон. Я не знаю прежнюю Миру и не имею права горевать вместо её близких, однако это тело помнит зал снизу, из гроба. Этого достаточно.

Четверо мужчин в форме заносят чёрный транспортный саркофаг, тяжёлый настолько, что у двоих дрожат руки. Следом входит Сельда Корр. Теперь на ней чёрное пальто, взгляд сразу задерживается на рукаве, скрывающем тёмные жилы.

— Освидетельствование перенесли, — сообщает она. — У гильдии возникли более срочные обстоятельства.

— Какое удачное совпадение, — говорит Тильда. — Мы как раз собирались пожаловаться на вашего лекаря.

— Успеете утром. Если дом ещё будет иметь право подавать жалобы.

Сельда перечисляет запреты: тело не выносить, лекарей не приглашать, грудную печать не снимать, эхо не вызывать. Через четыре часа генерала отвезут к Центральной печи. За нарушение — лишение лицензии и суд.

— А дышать возле него разрешается? — спрашиваю я.

— Пока да, госпожа Вельс.

Сельда протягивает мне стилус. Рука тела помнит местную письменность: на бумаге появляется тонкая подпись «Мира Вельс».

Саркофаг устанавливают на раму. Замки открываются с сухим шелчком. Один гвардеец касается лба, губ и горла, второй отворачивается, когда Тильда поднимает крышку.

Кайрен Ардент не похож на изображение с монеты хотя бы потому, что там мужчины обычно не лежат полуголыми и обожжёнными. Он крупный, плечи почти касаются стенок. Чёрные волосы ещё влажные, возле виска серебрится прядь. Лицо резкое, с глубокой складкой между бровей, словно даже смерть не убедила его перестать сердиться. В центре груди темнеет круглая печать, кожа вокруг неё выглядит обмороженной.

Я видела сотни умерших после болезней, аварий, воды и огня. Смерть не всегда уродует, но тело всё равно меняется: тяжелеют веки, кожа теряет внутренний цвет. Здесь этого нет.

Кайрен холоден и неподвижен, однако кажется человеком, который может проснуться в очень плохом настроении.

— Причина смерти? — спрашиваю я.

— Закрытые сведения, — отвечает Сельда.

— Мне нужно понимать, с чем я работаю.

— Вам нужно вымыть тело, обработать ожоги и облачить генерала в форму. Грудную печать не трогать. Глаза не открывать. В рот ничего не вкладывать.

Последнее требование звучит слишком конкретно. Тильда тоже это замечает: её пальцы крепче сжимаются на трости.

— Почему прежнюю подготовку не закончили в центральной ритуальной? — спрашивает она.

— Такова последняя воля генерала. Его род пользовался услугами дома Вельс.

— Род Ардент не обращался к нам тридцать лет.

— Покойный имел право на сентиментальность.

Гвардейцы покидают комнату, но двое остаются за дверью. Сельда подходит ко мне почти вплотную.

— Вы уже один раз проявили удивительную живучесть, госпожа Вельс. Не советую испытывать её снова.

— Это угроза?

— Профессиональная забота. В вашем положении их легко перепутать.

Она выходит, оставляя запах мокрой шерсти и железа. Тильда запирает дверь и проверяет боковой засов.

— Ничего не трогай. Я принесу старые записи Ардентов.

— Она запретила пользоваться родовыми способами.

— Поэтому принесу тихо.

Тильда уходит. Я остаюсь рядом с телом, слушая дождь, шорох воды в трубках и собственное дыхание. От Кайрена тянет настоящим холодом, на металлическом краю стола собирается изморозь.

Я касаюсь его шеи. Пульса нет. Кожа плотная, челюсть свободна, хотя окоченение уже должно было начаться. На спине нет выраженных трупных пятен. Тело могли обработать магией, но запреты Сельды, прожжённый рукав прежней Миры и спешка складываются в картину, которая мне совсем не нравится.

— Если вы мертвы, генерал, — тихо говорю я, приподнимая его веко, — то ведёте себя крайне непрофессионально.

Зрачок широкий. Я заслоняю лампу ладонью, затем возвращаю свет. Мне кажется, что он едва заметно сужается, но уверенности нет. На кончике языка у Кайрена серебрится крупница пепла. Именно туда запретили смотреть.

Я снимаю правую перчатку. Не знаю зачем — голой рукой я не почувствую того, чего не ощутила через тонкую ткань. Кладу пальцы на его запястье и закрываю глаза, отсчитывая удары собственного сердца, чтобы не принять их за чужие. Пять. Десять. Пятнадцать. Под кожей генерала пусто и тихо, зато медная пластина на стене начинает нагреваться, а по моей руке, от тёмного пятна к локтю, ползёт болезненное покалывание.

Сначала напрягается указательный палец Кайрена, затем средний медленно сгибается и упирается мне в ладонь. Я не отдёргиваю руку, хотя всё тело требует именно этого. Смотрю на его неподвижное лицо, изморозь вдоль чёрной печати и пальцы, которыми он теперь слабо, но совершенно определённо меня удерживает. До утреннего колокола меньше пяти часов, за дверью сидят гвардейцы, а в моём похоронном доме лежит живой генерал-дракон, которого кто-то очень торопится сжечь.

Глава 2. Не сжигать до рассвета

Два пальца, прижатые к моей ладони, держат слабо, но в этом движении нет ничего случайного. Мёртвые иногда сокращают мышцы: высыхают сухожилия, меняется температура, выходит воздух из лёгких, и родственникам кажется, будто покойный вздохнул или попытался проститься. Я шесть лет объясняла это людям и научилась не путать надежду с фактом. Сейчас факт занимает почти весь металлический стол и не желает разжимать пальцы.

Я тяну руку на себя. Пальцы Кайрена скользят по коже и опускаются; лицо остаётся неподвижным, только на чёрной печати в центре груди выступает крупинка инея и со щелчком падает на металл. За дверью кашляет гвардеец. Второй спрашивает, скоро ли я закончу. Я отвечаю, что генерал не согласовал объём работы, и снова прижимаю ухо к его груди. Тишина. Кайрен не дышит, однако губы не подсыхают, белки глаз влажные, суставы свободны. Серебристого пепла на языке едва касается стеклянная лопаточка, и по ней проходит тепло.

Конечно. Именно эту мелочь Сельда запретила проверять особенно строгим голосом.

У края чёрной печати видна серебряная нить. Она уходит под грудину, словно стягивает рану внутрь; от кожи пахнет грозой и железом, которое слишком долго держали в снегу. Я накрываю генерала до подбородка, когда дверь открывается и в ритуальную входит Тильда с двумя узкими книгами под мышкой. Заперев засов, она смотрит не на меня, а на правую руку Кайрена.

— Что он сделал?

— Почему вы решили, что сделал?

— Потому что ты стоишь как человек, которому покойник только что испортил вечер.

— Согнул два пальца. Удержал мою ладонь. Пепел под языком тёплый, зрачок реагирует на свет, трупных изменений нет. Пульса и дыхания тоже нет.

Тильда не ахает. Это хуже. Она подходит к столу, осторожно оттягивает нижнее веко Кайрена и проводит костяшкой пальца над чёрной печатью. Серебряная нить вспыхивает под кожей, и старуха резко отдёргивает руку.

— Пепельный покой, — говорит она так тихо, что дождь в трубе почти заглушает слова.

— Звучит уютнее, чем выглядит.

— Потому что ты не видела, что бывает после.

Она раскрывает книгу, пахнущую плесенью, воском и мышами, которые относились к семейной истории без должного уважения. На полях нарисованы тело с чёрным кругом над грудью и сосуд, похожий на фонарь с запертым внутри пламенем.

— Во время Пепельных войн раненых драконов переносили через туман отдельно от огненного сердца, — объясняет Тильда. — Сердце запирали в походном маяке, тело вводили в покой. Ни дыхания, ни крови, ни жара. Так дракон мог пережить дорогу, если его не пытались сжечь, вскрыть или разбудить раньше времени.

— И долго он может лежать в таком состоянии?

— Семь седмиц от изъятия огня. Иногда меньше. Здесь написано, что серебряный пепел остаётся тёплым, пока связь не оборвалась.

— Где его сердце?

— Если бы знала, не стояла бы здесь.

— Гильдия считает Пепельный покой легендой?

— Гильдия считает легендой всё, что не может обложить пошпиной.

Под родовым знаком Ардентов другой, чёткий и злой почерк предупреждает: «Не принимать отсутствие огня за смерть. Не доверять Реестру прежде тела».

— Поэтому его отправили к вам, — говорю я. — Кто-то знал, что дом Вельс распознает это состояние.

— Или надеялся, что распознает.

— Прежняя Мира распознала. Вернулась с чёрными пальцами и сказала, что гильдия ошиблась.

Тёмные жилы под моей кожей зудят сильнее, будто яд недоволен незаконченной работой. Тильда закрывает книгу и велит не трогать пепел голой рукой, а печать не снимать.

— Вы говорите «нам». Значит, сжигать его не будем?

— Я говорю, что сначала надо подумать.

— До печи осталось меньше пяти часов.

— Поэтому думай быстро и не мешай мне делать то же самое.

За дверью звякает оружие. Один гвардеец поднимается, отодвигая стул. В следующий миг по дому проходит глубокий удар входного молотка — один раз, второй, третий. Не посетитель, а человек, уверенный, что дверь уже принадлежит ему.

Фенн появляется у бокового входа в ритуальную. Он пролез через бельевую кладовую, волосы торчат во все стороны, на щеке белеет мука или ритуальная соль.

— Госпожа Тильда, там глава гильдии.

— Варган? — старуха выпрямляется. — Сам?

— Самее некуда. С ним ещё четверо. Я сказал, что вы заняты подготовкой, а он сказал, что как раз поэтому пришёл помочь.

— Когда гильдия приходит помогать, прячь серебро, — бормочет Тильда и поворачивается ко мне: — Книги уברי. Лицо сделай глупее.

— Насколько?

— Чтобы он поверил, но не предложил должность.

Книги уходят под погребальные полотна, я поправляю простыню на Кайрене и беру губку. Варган Лорр входит без шляпы. Дождь не растрепал на его седой голове ни одной пряди; видимо, вода тоже знает своё место. Белые перчатки безупречны, вместо левого глаза поблёскивает янтарная линза. Правый кажется почти добрым — такой бывает у врача, который ещё утром решил, что сделал всё возможное.

— Госпожа Вельс, — произносит он. — Позвольте поздравить вас с возвращением. Редкая удача.

— Не для всех, господин Лорр. Инспектор Корр уже начала опись.

— Сельда уважает порядок сильнее, чем обстоятельства. Иногда это полезно.

Он касается края простыни, но не поднимает её. Янтарная линза поворачивается в оправе, и тёмные жилы на моей руке вспыхивают болью.

— Вы успеваете закончить подготовку? — спрашивает Варган.

— Мне сообщили, что есть четыре часа.

— Были. Центральная печь освободилась раньше. Генерала заберут к одиннадцатому колоколу.

— До одиннадцатого меньше полутора часов, — возражает Тильда. — Родовое омовение занимает три.

— Семья отказалась от родового омовения.

— Семья здесь?

— Военное ведомство имеет право говорить от её имени. Облачите тело, закройте огненной вуалью и поставьте печать проводника. Остальное выполняют при Центральной печи.

— Зачем тогда вообще везли его к нам? — спрашиваю я.

— Так распорядился генерал до последнего похода. Старые люди бывают суеверны, даже если им всего тридцать шесть. Возможно, он надеялся, что дом Вельс услышит его последнее слово. Вы что-нибудь слышали?

— Пока только ваши сроки, — отвечаю я. — Они звучат громче покойников.

— У смерти меняется голос, госпожа Вельс, но чувство юмора она оставила вам прежнее. Это обнадеживает.

Варган кладёт рядом с инструментами приказ на срочную передачу тела.

— В одиннадцать придут шесть человек. После вашей печати они не нарушат частное прощание осмотром. Дом получит полную плату, а вопрос о долгах мы отложим.

— На сколько?

— На три дня.

Щедрость человека, который сначала отнимает верёвку, а потом разрешает выбрать сук.

— И ещё одно, — Варган задерживается в дверях. — Не пытайтесь вызвать эхо генерала. Пепел драконов обжигает неопытных проводников. Ваша племянница... простите, госпожа Тильда, ваша прежняя горячка уже показала, насколько это опасно.

Он оговорился нарочно. Варган знает, что Мира осматривала Кайрена в центральной ритуальной, а возможно, знает и то, что она увидела.

— Благодарю за заботу, — говорю я. — Если снова умру, постараюсь не занимать зал надолго.

— Второе возвращение выглядело бы уже не удачей.

Мы молчим, пока шаги Варгана не стихают за воротами. Лишь после этого Тильда выдыхает.

— Теперь подумали, — говорю я. — Что решили?

— Что ты не умеешь делать лицо глупее.

— Остальному можно научиться.

— За полтора часа?

— Если отдадим тело, его сожгут. Если оставим на столе, найдут. Значит, надо отдать не тело.

Фенн снова высовывает голову из кладовой.

— Я так и знал, что пригодится соль.

— Ты подслушивал?

— Охранял бельё.

— От кого?

— От себя. Я плохо воспитан.

Фенн вкатывает тележку с двумя мешками. За ними стоят ещё четыре; мальчишка начал готовиться к преступлению раньше, чем взрослые закончили спорить о нравственности.

Старые похоронные дома строили с расчётом на драконов, богатые семьи и осады. Иногда всё сразу. Под столом Тильда находит утопленное в камне кольцо, Фенн поддевает его крюком, и часть пола отходит с тяжёлым вздохом. Стол стоит на платформе, которую ворот с медной цепью опускает в старую холодную комнату.

— Почему вы не сказали о ней раньше? — спрашиваю я, заглядывая в чёрный прямоугольник под столом.

— Потому что ты очнулась сегодня утром и первым делом согласилась готовить генерала-дракона. Я надеялась, что к ночи жизнь станет спокойнее.

— Надежда вообще плохо сочетается с похоронным делом.

— Мира говорила то же самое.

Тильда произносит имя без упрёка, но чужая одежда вдруг становится теснее. Прежняя Мира увидела тёплый пепел, попыталась остановить сожжение и умерла. Я пользуюсь её руками, домом и подписью, а теперь собираюсь закончить начатое.

— Если нас поймут, — говорю я, — дом отнимут. Вас и Фенна могут посадить.

— Дом всё равно отнимут через три дня, — отвечает Тильда. — А Фенн однажды украл погребальный колокол у городского судьи. Тюрьма давно подозревает о его существовании.

— Я всё слышу, — сообщает Фенн, волоча третий мешок.

Мы перекачиваем Кайрена на плотное полотно. Генерал весит как человек, который считал лестницы личным оскорблением и предпочитал проламывать этажи. У меня дрожат руки, Фенн краснеет до ушей, чёрная печать покрывается инеем, но серебряная нить остаётся целой.

— Он точно жив? — шепчет Фенн, придерживая тяжёлое плечо. — Может, палец просто... ну...

— Просто что?

— Решил прогуляться отдельно?

Я показываю Фенну тёплый пепел, и он мгновенно серьёзнеет.

Мы закрываем Кайрена серым покрывалом. Тильда снимает стопор, цепь ползёт через ворот, платформа опускается. Генерал исчезает сначала до груди, затем до лица; на миг складка между его бровями словно становится глубже. Потом каменные края смыкаются над ним.

— Десятый колокол через двадцать минут, — говорит Фенн.

— Тогда не стой столбом. Неси всё тяжёлое, что не жалко сжечь.

Жалко оказывается почти всё. Мы укладываем в саркофаг девять мешков ритуальной соли, старые цепи, две свинцовые пластины и треснувший каменный подголовник. Вес получается примерно подходящий. Вид — нет.

— Похож на утонувший шкаф, — оценивает Фенн.

— После твоей работы с клиентами дом и обеденный стол потеряет.

Я перераспределяю соль и сворачиваю полотно вокруг рейки, обозначая голову. Сверху ложится чёрная парадная форма, рукава набиваем шерстью. Огненная вуаль с медной нитью скрывает лицо, руки и главный недостаток фигуры — отсутствие самой фигуры.

— Почему после печати нельзя смотреть внутрь? — спрашиваю я.

Тильда разводит в маленькой чаше чёрный воск.

— Тот, кто сорвёт знак проводника без родственника или судебного приказа, принимает на себя последнее эхо. Иногда это запах чеснока. Иногда — три часа чужой агонии.

— А сейчас там соль.

— Стража этого не знает. И я бы не советовала сообщать.

Тильда опускает крышку. Медная пластина нагревается, когда я беру печать Миры Вельс, и знак чисто отпечатывается в чёрном воске на стыке крышки и борта; карающая молния не падает. Бюрократическая магия тоже проверяет правильность формы, а не содержание.

Снаружи раздаётся одиннадцатый колокол. Первый удар прокатывается по камню, второй дрожит в трубах, третий совпадает со стуком в дверь.

Шесть гвардейцев входят вместе с Сельдой. На висках инспектора блестит вода; похоже, Варган сообщил ей о переносе срока одновременно с нами.

— Подготовка завершена? — спрашивает она.

— Настолько, насколько позволил ваш глава.

Сельда осматривает вуаль, подпись в журнале, Тильду и Фенна с белой полосой соли на щеке. Надеюсь, она примет её за муку. Или редкую подростковую болезнь.

— Откройте саркофаг, — приказывает Сельда.

Гвардеец берётся за крышку. Я встаю между ним и столом раньше, чем успеваю испугаться.

— Печать проводника уже наложена.

— Я вижу.

— Тогда знаете, что без судебного приказа её не снимают.

— Не вам учить меня уставу, госпожа Вельс.

— Мне потом слушать последнее эхо вместе с тем, кто её сорвёт. Я предпочитаю заранее выбирать компанию.

Гвардеец отпускает крышку. Сельда рассматривает меня, и на секунду кажется, что она всё понимает. Не обязательно про подмену — достаточно приоткрытого шкафа, свежавымытого пола и Фенна, который слишком старательно не дышит.

— Господин Лорр распорядился не нарушать частное прощание, — напоминает старший гвардеец. — У нас тринадцать минут до отправления печи.

— Тогда поднимайте.

Четверо берутся за ручки. Саркофаг отрывается от рамы неравномерно: каменный подголовник съезжает, соль внутри глухо оседает. Я начинаю говорить раньше, чем кто-нибудь успевает прислушаться.

— Осторожнее. Покойный пережил достаточно без того, чтобы вы уронили его перед сожжением.

— Он стал тяжелее, — ворчит гвардеец у изножья.

— Я вернула ему форму, цепь, пластины и достоинство. Последнее обычно весит больше всего.

Фенн давится кашлем. Саркофаг выравнивается и уходит в коридор, а Сельда остаётся.

— Ваше свидетельство о смерти аннулировано, — говорит она. — Но запись в Реестре Угасших пока не снята. До проверки вы считаетесь умершей с временно восстановленными гражданскими правами.

— Очень удобно. Налоги я уже должна платить или право тоже временное?

— Долги живут дольше людей.

— Я предупреждала вас не испытывать необычную живучесть.

— А я сегодня образец послушания. Не вызвала эхо, не сняла грудную печать, не пригласила лекаря.

Всё правда. По отдельности.

— Надеюсь, — произносит Сельда. — Потому что Центральная печь не оставляет ошибок, которые можно исправить наутро.

Она выходит. Мы слушаем, как саркофаг увозят к каналу и звук колёс растворяется в дожде.

Фенн сползает по стене и садится прямо на пол.

— Мы отправили в главную печь девять мешков соли, форму генерала и две лучшие пластины.

— Не лучшие, — говорит Тильда. — Одна была треснута.

— Тогда всё в порядке.

Фенн смеётся слишком громко и зажимает рот ладонью. Меня тоже начинает трясти: тело наконец замечает, что мы спорили с инспектором над гробом, набитым солью, пока живой генерал лежал под ногами.

— Заприте ворота, — говорю я. — Погасите свет в верхнем зале. Если кто-то вернётся, мы закончили работу и легли спать.

— А если заглянут в спальни? — спрашивает Фенн.

Тильда поднимает трость.

— Тогда я старая скорбящая женщина, которую разбудили после похорон единственной племянницы. Даже Варган не захочет это пережить.

В нижнюю холодную комнату ведёт узкий ход от старой печи для благовоний. Мы несём лампу, одеяла, книги и инструменты. Если саркофаг откроют до сожжения, гильдия вернётся; если не откроют, доказательства превратятся в очень чистый пепел.

Вдоль стен нижней комнаты стоят ниши с медными дверцами, по желобам бежит вода из канала. Иней на груди Кайрена тает и стекает по краю печати.

— Это хорошо или плохо? — спрашивает Фенн.

— Пока просто мокро, — отвечаю я. — Остальное выясним.

Тильда открывает книгу на рисунке с огненным сердцем.

— Движение и тепло проводника могут подтолкнуть его к пробуждению. Но без сердца он будет приходить в себя ненадолго, потом снова проваливаться.

— Насколько ненадолго?

— Откуда мне знать? Последний дракон лежал в этой комнате до рождения моей бабки.

— Значит, спросим у него.

— Когда проснётся.

— Если проснётся, — поправляет Фенн.

Мы переносим Кайрена на каменную лежанку. Я укрываю его одеялом: человеку без дыхания оно не поможет, но оставлять живого мужчину на голом камне кажется жестокостью, которую обычно объясняют древним обычаем.

Тильда даёт мне маленький медный колокольчик.

— Один раз звони, если откроет глаза. Два — если печать начнёт гореть. Три — если умрёт.

— Как я пойму разницу между его нынешним состоянием и смертью?

Она смотрит на серебряный пепел, оставшийся на лопаточке.

— Он остынет.

— Если придёт гильдия, звони без остановки и беги к старому причалу, — добавляет Тильда.

Фенн уходит проверять ворота. Тильда задерживается в дверях.

— Ты можешь подняться наверх. Покой продлится до утра, а тебе после яда нужен сон.

— Он удержал мою руку рядом с медной пластиной. Возможно, отозвался на дар.

— Возможно, пытался задушить первого, кто подвернулся. Арденты всегда были деятельными.

— Тем более лучше дожидаться, когда он сможет объяснить предпочтения.

Тильда кладёт рядом с лампой связку ключей.

— Дальний открывает ход к причалу. Если услышишь людей, не изображай героиню.

— Сегодня место занято генералом.

— Вот и не отбирай чужую работу.

Дверь за ней закрывается. Я остаюсь в холодной комнате с мужчиной, которого официально уже везут сжигать. По желобам бежит вода, лампа потрескивает, где-то над потолком глухо ударяет колокол Центральной печи. Первый сигнал означает, что саркофаг приняли. Второй прозвучит перед огнём.

Я сажусь на край соседней лежанки и раскрываю книгу. Старая вязь плывёт перед глазами. В теле Миры отзывается усталость: ломит поясницу, кожу под тёмным пятном тянет, веки наливаются песком. Я читаю одну строчку трижды и всё равно понимаю только «огонь», «имя» и «не будить насильно». Полезный совет. Жаль, что его не приложили к гробу, в котором я проснулась утром.

Кайрен лежит так тихо, что я начинаю прислушиваться к собственному дыханию. Потом замечаю изменение: серебряная прядь у виска шевелится. Не от воздуха — здесь нет сквозняка. Из-под чёрной печати поднимается пар, едва заметный, пахнувший раскалённым камнем после дождя. Я встаю, беру лопаточку. Пепел всё ещё тёплый. Тёмные жилы на моей руке вспыхивают болью, и одновременно медный колокольчик сам собой вздрагивает на столе.

— Только не начинайте с превращения, — говорю я, наклоняясь к нему. — Потолки старые, страховки у дома нет.

Второй удар Центральной печи приходит сквозь землю и воду, такой низкий, что дрожит пламя лампы. В этот миг глаза Кайрена открываются. Светлые, почти бесцветные, они не блуждают и не пытаются привыкнуть к темноте — сразу находят моё лицо. Я тянусь к колокольчику, но рука генерала срывается с камня быстрее, чем может двигаться человек без сердца, и его пальцы смыкаются на моём запястье как раз поверх чёрного следа яда.

Глава 3. Дракон в подвале

Пальцы Кайрена сжимаются поверх чёрного следа так сильно, что боль простреливает до локтя и отзывается под рёбрами. Тёмные жилы на коже вспыхивают серебром, словно яд узнаёт прикосновение, а лампа над нами разом тускнеет. Я не успеваю ни позвать Тильду, ни дотянуться до колокольчика. Генерал рывком подтягивает меня ближе, хотя ещё минуту назад лежал без пульса и дыхания, и смотрит снизу вверх с той холодной ясностью, которой не должно быть у человека, только что вернувшегося из подобия смерти.

— Где... — Голос срывается. Кайрен втягивает первый воздух коротко, судорожно, будто лёгкие изнутри обсыпаны золой. Грудь поднимается, чёрная печать покрывается трещинами инея, но под пальцами свободной руки я по-прежнему не чувствую ни одного удара сердца. — Где огонь?

— Если вы про лампу, то слева. Если про ваш, отпустите руку, и я попробую объяснить.

Он не отпускает. Взгляд скользит по моему лицу, задерживается на волосах, затем возвращается к запястью. По серебристой пряди у виска стекает холодная вода; зрачки сужены, дыхание уже выравнивается, а тело словно вспоминает себя отдельными частями и пока не решило, все ли они ему нужны.

— Вельс, — произносит Кайрен.

Не вопрос. Он меня узнаёт.

— Хорошее начало. Теперь разожмите пальцы.

— Ты была в центральной ритуальной.

— Была не я.

Ответ вырывается слишком быстро. Его лицо не меняется, только большой палец сильнее вдавливается в отравленный след. Я беру со стола стеклянную лопаточку и упираю рукоять в сустав его кисти — не угрожаю, просто напоминаю, что даже генералы устроены из сухожилий. Нажимаю. Хватка ослабевает достаточно, чтобы выдернуть руку.

— Ещё раз так сделаете, — говорю я, отступая, — и проснётесь с привязанными локтями. Для полного человека нужно много ткани, но у нас похоронный дом. Справимся.

Кайрен пытается подняться. Сначала садится, будто делает это на одном упрямстве, затем спускает ноги с лежанки. Серое покрывало соскальзывает до пояса. Он не обращает внимания ни на холод, ни на отсутствие одежды, ни на то, что мышцы живота сводит мелкой дрожью. Я видела достаточно обнажённых мужчин, чтобы не смущаться, но те хотя бы не смотрели так, словно выбирают, чем меня убить.

— Назови себя.

— Мира Вельс. Хозяйка дома, в подвале которого вы лежите. Сегодня утром я очнулась на собственных похоронах, а вечером спасла вас от кремации. День получился длинный, поэтому приказы лучше выдавать короткие.

Он ставит ступни на камень и встаёт. На секунду кажется, что получилось: спина выпрямляется, плечи разворачиваются, рука ищет несуществующую рукоять меча. Затем колени подламываются. Я подхватываю его сбоку, скорее чтобы он не расколол затылком старую лежанку, чем из сострадания. Кайрен тяжёлый, ледяной и пахнет мокрым металлом. Он опирается на меня ровно до того мгновения, когда понимает, что делает, после чего отталкивается так резко, что едва не падает снова.

— Не трогай меня.

— Вы первый начали.

Кайрен прижимает ладонь к чёрной печати. Серебряная нить под кожей вспыхивает, по груди проходит судорога. На ключицах на миг проступают тёмные чешуйки — несколько тонких пластин, будто тело пытается вспомнить другую форму, — но тут же сереют и осыпаются

пеплом. Генерал смотрит на них, лежащих у босых ног. До этого он был зол. Теперь становится тихим.

— Сердце извлекли, — говорит он.

— Тильда называет это Пепельным покоем.

— Я знаю, как называется состояние без огня.

Он закрывает глаза и медленно втягивает воздух. Я жду жара, света, чего угодно, но лишь пар у чёрного круга делается гуще. Кайрен пробует ещё раз. Мышцы напрягаются, пальцы сгибаются, на висках выступает холодный пот. Ничего. Даже лампа не дрожит.

— Кто снял сердце? — спрашиваю я.

— Ты должна знать.

— Почему?

— Потому что стояла над столом, когда я пришёл в себя в первый раз.

В памяти прежней Миры нет этого момента, как нет почти ничего, кроме знакомых букв и движений рук. Зато у Кайрена он сохранился: лицо проводницы, мокрые волосы, прожжённый рукав.

— Что она делала?

— Она?

— Что я делала?

Кайрен смотрит пристальнее.

— Пыталась открыть грудную печать. Кричала, что я жив. Потом вошёл человек в белых перчатках, и ты упала.

Варган. Или тот, кто хотел, чтобы мы сразу подумали о Варгане. Я не успеваю спросить: дверь холодной комнаты распаивается, в проёме появляется Тильда с тяжёлым железным подсвечником, а из-за её плеча выглядывает Фенн, вооружённый кочергой.

— Отойди от неё, — говорит Тильда.

Кайрен не двигается.

— Вы Вельс.

— Это зависит от того, кто спрашивает. Для кредиторов я давно умерла.

Фенн переводит взгляд с голого генерала на меня и поспешно рассматривает потолок.

— Я принёс одежду, — сообщает он. — Не знал размер, поэтому взял самую большую. Она всё равно будет мала.

— Положи и выйди.

— А если он её убьёт?

— Тогда постарайся не произносить это таким заинтересованным голосом.

Кайрен ловит свёрток одной рукой. Даже это движение выдаёт слабость: ткань ударяется о грудь, локоть опускается, дыхание сбивается. Он замечает мой взгляд и разворачивает старую рубаху так, будто подчинённые регулярно присутствовали при его одевании после магического похищения сердца. Рубаха действительно мала: плечи натягивают ткань, рукава заканчиваются выше запястий. Штаны принадлежали кому-то ниже и шире. Теперь генерал выглядит не опаснее разорившегося мельника, если забыть о лице.

— Теперь рассказывайте, — требует он. — Всё с момента центральной ритуальной.

— Нет, — отвечаю я. — Теперь вы садитесь, пьёте воду и прекращаете вести себя так, будто здесь ваш штаб. Хотите ответы — не проваливайтесь обратно в Пепельный покой посреди разговора.

— Я не просил меня спасать.

— Это многое меняет. В следующий раз обязательно разбужу перед печью и попрошу подписать согласие.

Тильда ставит подсвечник у двери. Уголок её рта дёргается, но взгляд остаётся жёстким.

— Она права. Без сердца вы сейчас слабее Фенна.

— Это оскорбление? — спрашивает мальчишка.

— Наблюдение.

Кайрен садится. Не потому, что согласился, а потому, что каменный пол начинает двигаться у него под ногами. Берёт кувшин, делает глоток и тут же кашляет. Вода темнеет на губах серебряным налётом. Я подставляю таз; генерал отталкивает его, но второй приступ заставляет наклониться. В воду падают серые хлопья, от которых поднимается пар.

— Это нормально? — шепчет Фенн.

— Для ожившего дракона без сердца? Совершенно не представляю.

Кайрен вытирает рот тыльной стороной ладони.

— Сколько времени прошло?

— Мы не знаем, когда извлекли сердце, — отвечает Тильда. — О вашей смерти объявили позавчера. Сегодня тело передали дому Вельс и уже увезли обратно.

— Куда?

— В Центральную печь, — говорю я.

Пустота в его лице длится всего мгновение. Потом он встаёт снова, на этот раз медленнее.

— Вы отвезли моё тело на сожжение.

— Девять мешков соли, старые цепи и вашу парадную форму. Тело осталось здесь. Цените точность формулировок, генерал, она сейчас единственное, что у нас ещё не конфисковали.

— Откройте выход.

— Зачем?

— Я доберусь до командования.

— Без обуви, огня и пульса?

— Это не просьба.

— Тогда тем более нет.

Он идёт к двери. Шатается на третьем шаге, опирается ладонью о стену, но продолжает. Тильда не преграждает дорогу; лишь берёт ключи и неторопливо выбирает самый длинный.

— Хотите выйти — выходите, — говорит она. — Только не через дом. Там Фенн вымыл пол, а вы осыпаетесь.

Ход к старому причалу настолько узкий, что Кайрену приходится идти боком. Я держу лампу, Тильда остаётся в холодной комнате у книг, Фенн крадётся сзади, хотя ему дважды велели не идти. Под ногами хлопает вода. Стены покрыты белым известковым налётом, и в некоторых местах сквозь него проступают медные знаки Вельсов — круги, перечёркнутые волнистой линией. Чем ближе канал, тем сильнее пахнет водорослями и угольным дымом.

— Кто подписал передачу тела? — спрашивает Кайрен, не оборачиваясь.

— На приказе была гильдейская печать, — отвечаю я.

— Военное разрешение.

Фенн шуршит бумагой. Оказывается, он прихватил приказ Варгана и копию транспортного листа. Внизу стоит угловатая подпись, которую я раньше не рассматривала: капитан Ровен Эйр, личный адъютант генерала.

— Ровен, — читает Кайрен.

Одно имя, однако после него воздух в проходе делается холоднее. Генерал забирает лист. Пальцы на миг замирают над подписью, затем сминают край бумаги.

— Вы ему доверяете? — спрашиваю я.

— Доверял.

— Подпись можно подделать.

— Не эту.

Он отдаёт лист, больше не задаёт вопросов и быстрее идёт к выходу. Дальний ключ поворачивается в замке с усилием. За дверью шумит дождь, вода канала бьётся о каменные ступени старого причала. Сквозь щель видно противоположный берег, жёлтые фонари и тёмную громаду Центральной печи. Над трубой дрожит бледное зарево.

На внутренней стороне двери вмурована городская печать: медный круг с семью языками пламени. Я видела такой знак у главного входа, но не знала назначения. Кайрен знает. Его шаг замедляется.

— Почему контур включён на частном причале?

— После последнего большого тумана город обязал ставить печати на всех выходах к воде, — объясняет Фенн. — Чтобы безымянные не лезли в дома.

— Я не безымянный.

— Пока нет, — говорит мальчишка и сразу прячется за моей спиной.

Кайрен кладёт ладонь на медный круг. Печать сначала остаётся холодной, затем внутри неё вспыхивает белый огонь. Запах горелой кожи заполняет проход прежде, чем генерал отдергивает руку. На его ладони проступают семь тонких линий, сходятся к центру и складываются в слово, которое я уже видела на собственных бумагах: «Угасший».

Удар отбрасывает Кайрена на стену. Он не падает, но из груди вырывается хрип, чёрный круг под рубахой вспыхивает ледяным светом. Я подхватываю его под локоть, и на этот раз он не успевает оттолкнуть. Несколько секунд мы просто стоим в тесном проходе: я удерживаю взрослого дракона, Фенн светит лампой на обожжённую ладонь, а за дверью течёт город, который только что отказался признать своего генерала живым.

— Что это? — спрашивает Кайрен.

Не громко. От этого вопрос звучит хуже.

— Реестр Угасших, — отвечает Фенн. — Печати сверяют имя с городской книгой. Покойников выпускают только в закрытом саркофаге или с проводником по зарегистрированному маршруту. Иначе думают, что это тень.

— Печать не думает, — говорю я. — За неё подумал тот, кто внёс ваше имя.

Кайрен снова тянется к кругу. Я перехватываю его запястье раньше, чем он касается меди.

— Первый раз был недостаточно убедительным?

— Отпусти.

— Нет. Я сегодня уже видела, как вы проверяете очевидное через боль. Способ впечатляющий, но медленный.

Он поворачивает голову. Наши лица оказываются слишком близко, и я впервые замечаю, что светлые глаза не бесцветные: вокруг зрачка тянется тонкое золотое кольцо, сейчас почти погасшее. Кайрен смотрит не на мои пальцы у своего запястья, а на тёмное пятно под рукавом.

— Это появилось в центральной ритуальной?

— После неё.

— Яд хранителей пепла.

— Значит, узнали.

— Он должен был остановить сердце за несколько минут.

— Остановил. Я умерла вчера перед рассветом.

Кайрен переводит взгляд на моё лицо. Рука под моими пальцами холодная, пульса нет, но сухожилия напряжены.

— И всё же стоишь здесь.

— У нас сегодня вечер неудобных исключений.

Он перестаёт вырываться. Я отпускаю, и Кайрен отступает от городской печати. Обожжённые линии на ладони остаются белыми, кровь не выступает. Фенн протягивает чистую тряпку; генерал принимает её после короткой паузы.

— К кому вы хотели идти? — спрашиваю я.

— В штаб воздушной стражи.

— Если ваш адъютант действительно подписал передачу, штаб может оказаться не лучшим местом.

— Там есть люди, которые видели меня живым.

— Они видели вас до того, как городская книга объявила обратное. Я утром выбралась из гроба при двадцати свидетелях, и всё равно получила только временные гражданские права.

— Покажи запись.

Мы возвращаемся в холодную комнату. Кайрен больше не торопится, хотя идёт без помощи. Только у порога на миг закрывает глаза, пережидая слабость, и делает вид, что рассматривает медный знак на стене. Тильда успела принести из конторы толстый домашний реестр и раскрыла на странице Миры. Моё имя перечёркнуто чёрной линией, рядом стоит вчерашняя дата и причина: «пепельная горячка». Ниже свежей серой тушью дописано: «телесная активность восстановлена; правовой статус уточняется».

Кайрен читает дважды.

— Телесная активность, — произносит он.

— Сельда умеет сделать возвращение из мёртвых похожим на протекающий кран.

— Кто подтвердил смерть?

— Гильдейский лекарь, — отвечает Тильда. — Тот самый, которого привела Сельда.

Она переворачивает несколько страниц. В конце книги медная застёжка нагревается, по бумаге расплзается чёрная вязь. Имя Кайрена появляется само: полный титул, воинская должность, дата официальной смерти. Строка под ним некоторое время остаётся пустой, затем Центральная печь наносит заключительную отметку: «Останки преданы огню. Ритуал завершён».

Снаружи доносится третий низкий удар.

Кайрен не касается записи. Стоит рядом со столом, смотрит на собственное имя и постепенно выпрямляется, словно читает приказ, который нельзя оспорить перед подчинёнными. Только пальцы обожжённой руки сильнее сжимают тряпку.

— Теперь вы официально кремированы, — говорю я. — Поздравлять не буду. Мне сегодняшнего возвращения хватило.

— Реестр можно исправить.

— Можно, — соглашается Тильда. — Если глава гильдии признает ошибку, военное ведомство подтвердит личность, а городской магистрат отменит запись. Человек, которого вы обвинили бы, должен первым расписаться под тем, что он вас не убивал. Удобный порядок.

Кайрен смотрит на транспортный лист с подписью Ровена.

— Лиора.

— Кто? — спрашиваю я.

— Моя сестра. Врач военного госпиталя. Она распознает Пепельный покой.

— И если за госпиталем следят?

— Следят.

Он отвечает без колебаний, будто наконец дошёл до части задачи, где можно опереться на неприятный факт. Потом просит карту города. Не требует — просит, хотя слово выходит почти таким же коротким. Фенн приносит старую схему похоронных маршрутов. Кайрен наклоняется над ней, отмечает пальцем штаб, госпиталь, Центральную печь и семь маяков. Его рука движется уверенно, но плечи понемногу опускаются. Без сердца тело быстро забирает то немногое, что позволило ему проснуться.

— Последнее, что вы помните до ритуальной? — спрашиваю я.

— Западный госпиталь. Привезли троих раненых драконов, которых не было в списках эвакуации. Я потребовал объяснений. Ночью пришёл приказ явиться к главному маяку.

— От кого?

— С моей печатью.

— Вы сами отдали себе приказ?

— Нет.

— Уже второе доказательство, что печати не думают.

Кайрен проводит пальцем от маяка к Центральной печи. На карте эти здания соединены подземным каналом. Он замечает линию, но ничего не объясняет.

— Ровен был с вами?

— Он должен был ждать в штабе. Если подписал передачу тела, значит, либо предал меня, либо пытался направить сюда.

— Потому что дом Вельс знал о Пепельном покое, — говорит Тильда.

— Знал мой род. Тридцать лет назад Арденты разорвали договор с вашим домом, но старый протокол сохранился в военных распоряжениях. Ровен мог найти его.

— Очень утешительно, — замечаю я. — У нас появился возможный союзник, который передал вас людям, собиравшимся вас сжечь.

— Если бы приказ оформил кто-то другой, тело осталось бы в центральной ритуальной. Там печь ближе.

В этом есть смысл. Мне он не нравится, потому что смысл вообще часто появляется у вещей, которые продолжают угрожать жизни.

Кайрен выпрямляется над картой. Его качает, но голос остаётся ровным.

— Мне нужно связаться с сестрой и Ровеном. Отдельно. До этого никто не должен узнать, что тело здесь.

— Наконец-то приказ, с которым я согласна.

— Я не приказываю.

— Тогда вам ещё потренироваться.

Фенн тихо фыркает. Тильда закрывает домашний реестр и убирает ключ в карман. На несколько минут возникает странное подобие рабочего совета: генерал без сердца, хозяйка с официально сомнительной телесной активностью, старая похоронная мастерица и мальчишка, который украл судебный колокол. Любая империя была бы спокойнее, не зная, что её судьбу начинают обсуждать именно таким составом.

Издалека доносится новый звон. Не глубокий удар Центральной печи, а два частых металлических вскрика. Кайрен вскидывает голову первым.

— Аварийный колокол.

Тильда бледнеет.

— При печи?

— Камера не приняла драконий прах. Они открыли саркофаг после огня.

Представляю девять мешков соли, лопнувших в жаре, почерневшие цепи и пустую форму. Даже самая послушная бюрократия заметит, что прославленный генерал оставил после себя подозрительно много приправы.

Фенн срывается с места.

— Я посмотрю с крыши.

— Ни на какую крышу, — одновременно говорим мы с Тильдой.

Он всё равно исчезает в проходе. Кайрен складывает карту, но пальцы не слушаются, бумага выскальзывает. Я поднимаю её раньше него.

— Вам нужно лечь.

— Мне нужно уйти из дома.

— Вы только что пытались. Город не оценил.

— Если гильдия найдёт меня здесь, Вельсов обвинят в похищении тела и срыве государственного ритуала.

— А если вы выйдете, вас примут за безымянную тень и сожгут уже без саркофага. Не обижайтесь, но соль было спасать дешевле.

Кайрен делает шаг ко мне. Слабость почти не видна, если не смотреть на то, как он держит левую руку у стены.

— Почему ты рисковала?

— Не люблю, когда живых сжигают. Профессиональная придирка.

— Этого недостаточно.

— Для вас, возможно. Я вообще не обязана была искать более красивую причину.

Он долго смотрит на меня, затем втягивает воздух, будто пытается различить запах. Золотое кольцо вокруг зрачка слабо вспыхивает. Кайрен приближается ещё на полшага; не угрожает, но от этого мне не спокойнее.

— В центральной ритуальной была Мира Вельс, — говорит он. — Это лицо. Этот голос. Но не этот запах.

По позвоночнику проходит холод, не имеющий отношения к воде в желобах.

— После трёх дней горячки люди меняются.

— Тело меняется. Душа — нет.

— У вас нет сердца, огня и сил дойти до двери, зато нюх работает безупречно?

— Достаточно, чтобы понять: женщина, пытавшаяся снять с меня печать, и женщина передо мной — не одно и то же.

Он не повышает голоса. Вопрос звучит тише шелеста воды:

— Кто находится в теле Миры Вельс?

Я открываю рот. В этот момент наверху трижды бьют входным молотком — не настойчиво, а с правом сломать дверь после последнего удара. По трубе из ритуальной доносится голос Фенна, тонкий от бега: инспектор Корр вернулась с судебным приказом и шестью стражниками; она требует немедленно открыть нижнюю холодную комнату. Кайрен переводит взгляд на дверь, я стискиваю карту в одной руке и связку ключей в другой, а произнесённый ответ остаётся между нами ещё одной вещью, которую придётся прятать быстрее, чем гильдия спустится в подвал.

Глава 4. Похороны для тех, у кого нет денег

До нижней холодной комнаты сорок две ступени, и Сельда уже преодолела первые семь, когда Тильда вонзает ключ между медными плитами у дальней стены. Тёмный шов распахивается в узкий провал, откуда тянет мокрым камнем и холодом чужих последних ночей. Кайрен смотрит на проход, затем на меня. Его вопрос по-прежнему висит между нами — кто находится в теле Миры Вельс, — однако сверху гремят сапоги, и даже дракон понимает пользу отложенной правды.

— За стену, — шепчу я.

— Если это тупик...

— Тогда будете первым генералом, которого замуровали в чужих коротких штанах. Быстрее.

Он делает шаг сам и едва не сносит плечом край плиты. Пепельный покой отпустил Кайрена ровно настолько, чтобы тот мог упрямыться, но не настолько, чтобы тело соглашалось с его решениями. Я подхватываю его под локоть; он не отталкивает, только стискивает зубы, протискиваясь в щель. Внутри видны кирпичный свод и старая решётка. Медь драконьей кладки, шепчет Тильда, глушит тепло, запах и магический след.

— Очень предусмотрительный род, — говорит Кайрен из темноты.

— Мы хоронили драконов, — отвечает Тильда. — Предусмотрительность входила в стоимость.

Дверь в конце подвала ударяется о стену. Я сую Кайрену лампу, но он возвращает её: свет выдаст щели. Наши пальцы встречаются на ручке, и по коже пробегает холод — разумное напоминание, что за стеной прячется мужчина без пульса, а у меня на запястье яд людей, уже убивших одну хозяйку дома.

— Не кашляйте, — говорю я.

— Полезный приказ.

— Видите, я тоже умею.

Тильда поворачивает плиту. В щели на миг остаётся лицо Кайрена — не испуганное, а злое, потому что беспомощность для него хуже страха. Я вытираю у стены каплю серебристого пепла и бросаю тряпку в ведро, когда входит Сельда с четырьмя стражниками и судебным листом в щипцах.

— В Центральной печи обнаружили подмену, — сообщает она.

— Уже? — спрашиваю я. — Я рассчитывала, что соль хотя бы переживёт церемонию.

Тильда тихо стонет: в критические минуты ей досталась именно я. На сером пальто Сельды белеет крупинка соли, лицо похоже на плотно закрытую книгу, где каждому преступлению заранее отведена строка.

— Вы признаёте, что запечатали ложные останки печатью проводника?

— Я признаю, что положила в саркофаг то, что увезли ваши люди. До этого генерал находился под охраной гильдии, после — под охраной гильдии. Если он исчез в промежутке, у вас удивительно широкое определение надёжности.

— Вы лично подписали весовой лист.

— Не лично. Моей рукой. Я тогда была мертва и не успела привыкнуть к тонкостям.

У одного стражника дёргается рот. Сельда протягивает приказ на обыск дома, хранилищ и выходов к каналу. Подпись ночного судьи ещё влажная: Варган умеет будить закон до того, как тот задал вопросы.

— Ищите, — говорю я. — Если встретите генерала, сообщите, что его сожгли. Он расстроится.

Стражники расходятся. Двое поднимают крышки пустых ледяных ларей, простукивают стены, заглядывают под платформу. Один выворачивает корзину с грязным полотном и быстро жалеет о служебном усердии. Сельда проверяет сливной желоб, старый ворот, стол и дверь к причалу. Городская печать на ней ещё хранит белёсый след от ладони Кайрена. Инспектор касается ожога пальцем в перчатке, переводит взгляд на меня, и я чувствую, как под воротом платья стекает пот.

— Кто пытался открыть этот выход?

— Я. После возвращения решила проверить, не изменилось ли отношение города к моей телесной активности.

— Печать обожгла бы вас по запястью, а след расположен выше человеческой ладони.

— Я стояла на цыпочках.

— Вы считаете меня идиоткой?

— Нет. Поэтому и не придумываю убедительнее. Вы всё равно не поверите.

За третьей медной плитой нет ни звука. Стражник простукивает первую секцию, вторую, приближается к шву. Тильда сжимает набалдашник трости, готовая первой ударить четырёх вооружённых мужчин ради того, кто два часа назад держал её племянницу за горло. Не из любви к генералу — из верности дому, который не выдаёт принятых под крышу.

— Там старая охлаждающая шахта, — говорит Тильда. — Если проломите облицовку, медь придётся менять. Внесите повреждение в протокол заранее, чтобы я знала, кому отправлять счёт.

Сельда прикладывает к плите янтарный диск. Мутный свет собирается вокруг труб, но за шов не проникает. Кайрен не дышит; впервые это оказывается полезным качеством. Диск темнеет.

— Пусто, — говорит Сельда и убирает его.

Находят незарегистрированный можжевельник, три разбитые чаши и Фенна с транспортным листом во рту. Кайрена не находят. Отпустив стражников, Сельда раскладывает на столе бланки и пишет, сильно нажимая пером, будто штраф способен заменить пропавшее тело.

— За нарушение государственного обряда — двадцать четыре серебряных. За ложные сведения в весовом листе — двенадцать. За использование печати проводника на предметах, не являющихся останками, — ещё восемь. Оплата до третьего вечернего колокола послезавтра. При неуплате дом и имущество переходят под управление гильдии до решения магистрата.

— Сорок четыре серебряных за девять мешков соли, — подсчитываю я. — Надеюсь, хотя бы соль вернут.

— Она спеклась с парадной формой генерала.

— Тогда восемь серебряных за печать кажутся особенно мелочными.

Тильда берёт лист. Её лицо не меняется, только палец дольше обычного лежит на нижней строке. Сорок четыре серебряных для этого дома не штраф, а аккуратная форма конфискации.

— Почему вы не арестовываете её? — спрашивает она.

Сельда промокает подпись песком.

— Потому что я видела саркофаг до передачи и видела его после вскрытия. Между этими событиями за него отвечали восемь гильдейских служащих, двое военных и Центральная печь. Чтобы обвинить вашу племянницу в похищении тела Кайрена Ардента, господину Лорру придётся публично объяснить, как один недавно умерший проводник вынес отсюда взрослого дракона мимо шести стражников. Пока он предпочитает штраф.

Собирая бумаги, она задерживает взгляд на чёрных жилах под моим рукавом.

— Если генерал не попал в печь, его состояние может быть опасным. Гильдия умеет обращаться с тем, что не должно ходить среди живых.

— Это вы про меня или про него?

Сельда не отвечает. Когда стихает лязг оружия, Тильда открывает стену. Кайрен выбирается медленно, с холодным потом на висках. Он слышал каждое слово.

— Сорок четыре серебряных, — говорит он.

— Не переживайте. Форму вы уже подарили.

— Я возмещу.

— Из жалованья официально сожжённого генерала?

— Когда верну имя.

— Тогда и обсудим. А пока за стену. Они могут оставить наблюдение.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— И не отвечу, пока в доме шесть чужих сапог и один ваш долг. Я почти сутки не спала, генерал. Не вынуждайте выбирать, что из этого раздражает сильнее.

Тильда суёт ему книгу о последствиях преждевременного пробуждения. Кайрен неожиданно берёт её: возможно, понял, что прямой приказ в этом доме считается началом торга.

Первая клиентка приходит после рассвета вместе с Пепельным туманом. Она толкает дверь плечом, не выпуская оглобли прачечной тележки, где лежит узкое тело под белой простынёй с синей каймой. У женщины красные распухшие руки; вслед за ней в приёмную входит запах щёлока, речной воды и холодного белья.

— Мне сказали, вы ещё принимаете, — произносит она, хотя штрафной лист уже прибит гильдейским гвоздём рядом с дверью. — Госпожа Вельс?

— Пока да. Кого вы привезли?

— Мать. Яна Брей. Ночью перестала дышать. Врач с Тростниковой улицы посмотрел, написал свидетельство и сказал везти к гильдейским, но там... — Женщина обтирает ладони о юбку и оставляет два тёмных следа. — Там назвали цену.

Тильда берёт свидетельство: лёгочная немощь, пятьдесят девять лет. Внизу уже приписан обязательный обряд с освящённым омовением, серебряной вуалью, свечами и плакальщиками — шесть серебряных и девять медяков. У дочери в платке одиннадцать медных монет, пуговица и напёрсток.

— Я ещё могу принести, — быстро говорит она. — Не сегодня. Мне заплатят за госпитальное бельё в конце седмицы. Возьмёте долговую?

Тильда закрывает глаза. Она не хочет отказывать, но в доме меньше двух серебряных, а послезавтра гильдия заберёт ключи. Достойные порывы плохо топят печь и никогда не устраивают отсрочку по налогам.

— Для частного дома нужны запись, огненный список и подпись проводника, — говорю я. — Остальное заменим семейным прощанием.

— В правилах требуется убранство согласно положению умершего, — возражает Тильда.

— Она была императрицей?

— Прачкой, — отвечает дочь.

— Тогда чистая вода соответствует положению. Что она любила?

— Мать? Тёплые ноги. Когда простыни ещё с верёвки и от них пар идёт, она заворачивала ступни, а хозяину говорила, что край не просох. И маковые лепёшки, только изюм выковыривала. Цветы не любила. От лилий у неё голова болела.

— Значит, лилий не будет.

— У нас вообще цветов нет, — замечает Тильда.

— Тем более всё складывается.

Я беру один медяк за запись и два на городской сбор. Остальные возвращаю. Женщина смотрит на них в раскрытой ладони так, будто я снова подменила тело солью.

— Но прощание... Я не хочу в общую печь без слова. Она боялась, что там её перепутают.

— Мы подготовим её здесь, вы останетесь, а потом получите именной лист. Хора не будет. Скажете сами.

— Я не умею красиво.

— Красиво не обязательно. Лучше правду.

Женщину зовут Сана. Она помогает перенести мать в ритуальную, не доверяя чужим рукам, а я не прошу уйти. За шесть лет работы я видела родственников, которых выгоняли за дверь, а потом выводили к гладкому, надушенному, совершенно незнакомому телу. Удобство часто нарядается в достоинство, когда не хочет отвечать на вопросы.

Долгая нехватка воздуха заострила лицо Яны, на губах засохла тёмная пена, пальцы сведены. Сана видит посмертное пятно и бледнеет.

— Это от тележки? Я осторожно везла.

— Нет. Кровь после смерти опускается вниз. Вы ничего не сделали.

— У неё рука жёсткая.

— Скоро отпустит. Давайте сначала согреем воду.

В записях Вельсов есть домашнее омовение без гильдейских чаш: «Пусть близкий назовёт каждую руку по труду её, дабы Последнее эхо узнало дом». Мы с Саной моем Яну тёплой водой. Я очищаю лицо, закрываю рот мягкой повязкой и разминаю пальцы; Сана держит мать за запястье и рассказывает, каким пальцем та проверяла простыни и каким щёлкала дочь по лбу за дырку. Тильда сперва наблюдает крушение профессии, потом молча приносит валики, гребень и воск для губ.

— Мыло не берите душистое, — просит Сана. — Она говорила, цветами прикрывают плохой жир.

— Разумная женщина, — говорит Тильда и убирает дорогой флакон.

Сана привезла синее рабочее платье, выцветшее на плечах, зато с новыми манжетами. Разглядить его она не позволяет.

— Эта складка у кармана всегда была. Мать ругалась, что я пришила криво, но не дала переделать. Оставьте.

Мы оставляем складку, мозоли и лицо без белил. Под пальцы Яны Сана кладёт старую деревянную прищепку и маковую головку. Изюм, решаем мы, покойная всё равно выбросила бы.

Я велю Фенну вытряхнуть синюю драпировку. Через минуту она падает вместе с карнизом, и Сана впервые улыбается, тут же прикрывая рот — виноватая перед матерью за смех в доме смерти.

— Смейтесь, если получается, — говорю я. — Мёртвым от этого не хуже. Живым иногда легче.

— Она бы сказала, что карниз давно висел на честном слове.

— На честном слове, — каркает кто-то за окном.

На трубе сидит чёрный ворон с одним белым пером. Он наклоняет голову и снова произносит голосом Саны:

— На честном слове.

— Скрип, — вздыхает Тильда. — Только тебя не хватало.

— Он ваш?

— Он ничей. Поэтому считает своим всё, что плохо прибито. Фенн, закрой ящик с пуговицами.

Ворон не находит орехов и улетает. Сана признаётся, что мать кормила птиц горелыми корками, хотя соседям говорила, будто выбрасывает. После этой детали Яна перестаёт быть бедной прачкой с обязательным обрядом. Остаётся женщина, которая ненавидела лилии, бранила мыловаров и не умела выбрасывать хлеб.

В малом зале нет алтаря и хора. Мы укрываем синей тканью дыру от карниза и зажигаем одну свечу вместо четырёх. Яна лежит в открытом коробе для полотна: Фенн вымыл его, Тильда нашла крышку, а Сана пришила по краю синюю кайму. Получилось скромно, но не унизительно. Хуже бедности бывает лишь чужое старание сделать вид, будто её нет.

Кайрен наблюдает из охлаждающей шахты, выходящей решёткой в малый зал. Сана видит там только вентиляцию, я — пару светлых глаз, следящих, как открывается книга Вельсов.

— Назовите умершую, — говорю я.

— Яна Брей, дочь Олмы, — отвечает Сана. Голос у неё тихий, натруженный, такой же красный по краям, как руки. — Пятьдесят девять лет. Она сорок один год стирала бельё на Тростниковой улице.

Гильдейский обряд требует перечислить добродетели и подтвердить отсутствие долгов. У Вельсов написано: «Не требуй от скорбящего лжи, ибо мёртвый узнает её прежде огня». Я закрываю книгу.

— Что вы хотите ей сказать?

Сана мнёт платок. Несколько мгновений в зале слышен только фитиль, который потрескивает в дешёвом воске.

— Я злилась на тебя, — произносит она наконец. — За то, что ты не позвала врача раньше. За то, что прятала кровь на платках и говорила — свёкла. Какая свёкла в бельевой? Я видела. И всё равно сделала вид, что поверила, потому что заказов было много, а денег мало. Я теперь думаю: если бы отвела силой...

Она смотрит на неподвижные руки матери. Я не говорю, что вины нет: от пустого утешения она не исчезает.

— Скажите остальное, — прошу я.

— Я не хотела, чтобы ты боялась. И сама боялась. Вот и всё. — Сана судорожно выдыхает, потом проводит ладонью по синей кайме. — И складку я пришила не криво. Это ты карман растянула корками для птиц. Я знала. Всегда знала. Только не говорила, потому что тогда ты перестала бы оставлять их на подоконнике.

Свет появляется не над свечой. Тонкая золотистая нить выходит из-под ногтя Яны, проходит по прищепке и тянется к руке Саны, дрожа, как солнце на дне чашки. Пахнет чистым бельём, вынесенным на мороз, затем — горелым хлебом. Сана закрывает глаза и улыбается сквозь слёзы, Тильда вцепляется в трость, а за решёткой золотое кольцо вокруг зрачка Кайрена становится ярче.

Нить касается Саниных пальцев и рассыпается тёплой пылью. Несколько крупинок остаются на синей ткани. Я успеваю поднести ладонь, но Тильда перехватывает запястье.

— Не собирай, — шепчет она. — Пусть уйдёт как пришло.

— Что это?

— Последний свет. Слабый. Настоящий.

Она произносит это не торжественно, а почти сердито, как человек, которому мир только что доказал неправоту после долгих лет удобного неверия. Сана открывает глаза. Пыль уже гаснет.

— Вы тоже почувствовали? — спрашивает она. — Будто окно открыли зимой.

— Да, — отвечает Тильда. — Ваша мать простилась.

Сана поправляет манжету, целует мать в лоб и долго держит ладонь на крышке, а потом сама берётся за тележку. До районной печи четыре улицы; я собираюсь идти, но она качает головой.

— У вас другие будут. Я справлюсь. Только запишите имя, чтобы не перепутали.

Я прикрепляю именной лист с двумя подписями и простой чернильной печатью дома. Сана отдаёт три медяка и кладёт на стойку напёрсток.

— Это лишнее.

— Не плата. Я постираю ваши полотна после печи. Все. До конца месяца.

— Их много.

— Я видела ваш подвал. Их очень много.

Мы договариваемся на стирку вместо денег. Тильда заносит договор в книгу особенно острым почерком. Когда тележка исчезает в тумане, Фенн предлагает написать на вывеске: «Хороним за пуговицы и бельё». Тильда советует сначала похоронить его, чтобы проверить спрос.

Кайрен выходит из прохода медленнее, чем ночью, держась за стену, но с книгой под мышкой и застёгнутой рубахой — будто успел вернуть себе право выглядеть собранным.

— Вы видели? — спрашиваю я.

— Свет — да.

— А до этого?

— В детстве. На похоронах отца. Там было меньше.

Тильда резко поворачивается к нему.

— Последний свет Ардента должен был заполнить храм.

— Храм заполнили люди, которые говорили правильные слова. Отцу они не нравились.

Он подходит к столу, касается пальцем остывшей крупинки на синей ткани. Золото вспыхивает и тут же гаснет, зато чёрная печать под его рубахой отзывается едва заметным серебряным отсветом. Кайрен убирает руку.

— Ты взяла три медяка, — говорит он мне. — Городская запись стоит два.

— Один оставила себе. Я бессердечная деловая женщина.

— После штрафа в сорок четыре серебряных.

— Мне уже объяснили арифметику.

— Ты могла отказать.

— Могла.

— Почему не отказала?

Я смотрю на вырванный карниз и три монеты в ладони Тильды. Можно сказать, что Сана приведёт других клиентов и что пустующий зал наконец пригодился. Всё правда, но решение я приняла раньше расчёта.

— Потому что бедность не делает мать легче, когда её везёшь по мостовой, — отвечаю я. — И горе не уменьшается до размеров кошелька. Если мы берём деньги за то, чтобы людям было куда принести умерших, то нельзя запирать дверь перед теми, кому особенно некуда идти.

Недоверие из взгляда Кайрена не исчезает от одной приличной сцены, однако теперь рядом с ним появляется что-то другое. Он впервые перестаёт видеть только знакомое лицо с чужим запахом и рассматривает женщину внутри.

— Мира Вельс, которую я встретил в ритуальной, тоже нарушила приказ, — говорит он. — Она пыталась спасти человека, которого не знала.

— Значит, тело мне досталось с плохими привычками.

— Я не думаю, что дело в теле.

Вопрос никуда не исчез, однако впервые Кайрен оставляет мне право выбрать время для ответа. Видимо, это и есть уважение в исполнении генерала: допрос переносится без применения силы.

Скрип влетает через разбитую створку и роняет что-то на штрафной лист. Медный осколок падает к моим ногам, а ворон устраивается на гильдейском гвозде.

— Не открывать, — произносит он незнакомым хриплым голосом. — Не открывать!

— Где ты это взял? — Фенн подскакивает к птице.

Скрип наклоняет голову и повторяет уже голосом Саны:

— На честном слове.

— Он не отвечает, — напоминает Тильда. — И пальцы береги.

Фенн видел ворона на крыше гильдейской повозки, ожидавшей Сельду. Добыча Скрипа размером с ноготь, обожжена по краю, покрыта синей эмалью. Я поднимаю её через платок. Металл тёплый. Кайрен забирает осколок, и линии клейма «Угасший» на его ладони наливаются белым.

— Это не часть повозки, — говорит он. — Полевая печать Пепельного маяка. Такие ставят на контейнеры с драконьим огнём, чтобы их не вскрыли в пути.

— Какого маяка?

Он счищает копоть. Под ней проступают три коротких луча и часть западного знака с карты. Кайрен кладёт печать рядом со штрафом; медь касается бумаги, и гильдейский водяной знак вспыхивает тем же синим. В комнате пахнет озоном и горелым хлебом — последний след Яны смешивается с чужой тайной. Серая повозка грохочет по мосту к Центральной печи, Скрип долбит клювом казённый гвоздь, а мы смотрим на кусок печати, которого на гильдейском экипаже быть не могло, если только этой ночью он не ехал тем же маршрутом, что и украденное сердце Кайрена.

Глава 5. Мёртвым вход запрещён

Обломок полевой печати нагревается в моей ладони, когда Пепельный туман поворачивает к западу. Под копотью различимы три луча Третьего маяка, ближайшего к военному госпиталю, откуда восемнадцать дней назад исчезли раненые драконы. Позже меня вызвали уже к Главному маяку приказом с моей же печатью. Теперь кусок замка от контейнера с огнём приезжает к дому Вельс на гильдейской повозке, а женщина с чужой душой предлагает сперва поесть.

— Нет, — говорю я.

Мира ставит на край стола миску с густым серым варевом и придвигает ложку.

— Это не предложение.

— Мне нужно в госпиталь.

— Вам нужно научиться различать слова «нужно» и «можно». Полезный навык, особенно для человека, которого город уже пытался поджарить у собственного причала.

Мира не повышает голоса, только передвигает миску ещё на два пальца, словно этого достаточно, чтобы приказ стал исполнен. Вариво пахнет корнеплодами, старым горшком и унижением.

— Я не голоден.

— У вас нет огненного сердца. Тело теперь ест как человеческое.

— Я знаю устройство собственного тела.

— Судя по тому, как вы им пользуетесь, только теоретически.

Тильда рассматривает печать через толстое стекло, Фенн заколачивает окно. У рыбной лавки напротив уже второй час стоит человек в кожаном плаще, изучая одну и ту же связку камбалы. Наблюдение Сельды или Варгана — для результата неважно.

Я заставляю себя взять ложку. Пальцы слушаются хуже, серебряная нить под чёрным кругом тянется к западу. Мира не стала спорить за Последний свет, не потребовала с прачки положенной платы и не выдала меня Сельде. Это не отвечает на вопрос, кто она, зато прежнюю Миру Вельс эта женщина не убивала.

— В госпитале моя сестра, — говорю я.

Мира перестаёт протирать осколок и смотрит на меня.

— Лиора. Я помню.

— Если контейнер везли от Третьего маяка, она могла видеть перевозку раненых. Или её заставили подписать документы.

— Поэтому за госпиталем следят.

— Следили бы в любом случае.

— Вы потрясюще умеете превращать доводы против похода в доводы за него.

Я разворачиваю карту. До госпиталя меньше часа через мост Погасших Фонарей; в моём состоянии — полтора. Мира накрывает ладонью западный край.

— Днём у двери наблюдатель. Ночью включают мостовые контуры. В госпитале вас ждут либо люди Варгана, либо военные, которые арестуют первую же тень с лицом покойного генерала. Мы сначала найдём способ передать записку Лиоре.

— «Мы»?

— Вы задолжали дому сорок четыре серебряных. Это почти родство.

С виду она слабее любого курсанта, но именно её тонкая рука вчера закрыла саркофаг, а сегодня не позволила присвоить Последний свет. Я мог бы убрать ладонь Миры с карты. Не убираю.

— До вечера, — говорю я. — Потом решим.

— Мы уже решили.

Она забирает карту и уходит к клиентской книге. Мира уверена, что выиграла спор. Это первая её ошибка за утро.

К девятому колоколу дом затихает. В трубах вздыхает вода, под крышей Скрип перекладывает пуговицы, Тильда кашляет этажом выше. Мира долго ходит по комнате над малым залом; её шаги я различаю без усилия. Прежняя хозяйка заранее просила пол простить скрип, эта ставит пятку твёрдо. Даже тело учится чужому характеру.

Когда шаги стихают, я беру траурный плащ, карту и старую бирку Вельсов. На мосту она должна подтвердить похоронный маршрут. Для полной защиты нужен проводник, но я рассчитываю, что контур ограничится знаком.

Слабый расчёт. В штабе я отправил бы за него писаря переписывать караульные ведомости до зимы. Сейчас другого нет.

Тайный ход выводит к окну малого зала, оттуда я выбираюсь на крышу. На середине водосточной трубы пальцы перестают держать металл; последние два локтя съезжаю, сдирая ладонь. Наблюдатель оборачивается на шум, но я успеваю уйти за угол.

Лиор носит по мне траур. На фонарях завязаны чёрно-серебряные ленты, у часовни горят свечи, на стене Арсенала висит мой портрет. Гравёр сделал меня благороднее и менее склонным спорить. Внизу кто-то оставил деревянного дракона с отломанным крылом. Я не сержусь на тех, кто прощается, — только на людей, заставивших их упражняться на живом человеке.

Вдали от дома идти становится легче, и это опасная ложь тела. В стекле оружейной лавки отражается бледный мужчина в траурном капюшоне и коротких штанах. Генерала в нём нет. Есть человек, укравший плащ у похоронного дома и идущий просить помощи у сестры.

Просить я пока не умею. Поэтому иду один.

Мост Погасших Фонарей начинается двумя каменными драконами без голов. На медной арке выбито: «Мёртвым вход запрещён. Останки перевозить под знаком проводника». Ночью семь вставок на перилах горят белым. За мостом видны башни госпиталя и свет в восточной врачебной, где должна дежурить Лиора.

Я прижимаю медную бирку к первой вставке. Знак Вельсов вспыхивает тускло, по арке проходит зелёная волна. Контур принимает маршрут. На шестом шаге клеймо «Угасший» на ладони начинает зудеть, на двенадцатом кожа под рубашкой покрывается инеем. Я продолжаю идти. До противоположного берега меньше сорока шагов.

На середине моста бирка гаснет.

Сначала из меди доносится щелчок, похожий на звук закрываемого замка. Затем над перилами появляется строчка белого огня: «Проводник отсутствует. Личность сверяется». Свет проходит сквозь лицо, грудь, ладони. Я чувствую, как городской реестр находит моё имя, запись о смерти и завершённый ритуал.

«Угасший. Останки вне маршрута. Угроза: безымянная тень».

Белое пламя поднимается из швов моста без жара. Оно обжигает иначе: вытягивает движение из мышц, превращает кровь в тяжёлую серую воду, заставляет чёрную печать раскрыться на груди, как второй рот. Я пытаюсь призвать драконье пламя. Тело отвечает несколькими чешуйками на предплечье; они тут же осыпаются пеплом.

Контур наносит второй удар.

Я падаю на колени. Плащ загорается по краям, медная бирка плавится между пальцами. На другом берегу двое ночных стражников поворачиваются к мосту, но не спешат: защита делает то, для чего её создали. Не позволяет мёртвому войти в город живых.

— Ардент!

Голос Миры звучит сзади, злой и сбитый бегом. Она толкает перед собой узкую похоронную тележку, на борту которой болтается моток верёвки и длинный крик. Волосы выбились из косы, поверх платья накинут старый мужской сюртук, а на шее висит настоящая печать проводника. Мира ударяет ею по первой вставке.

— Дом Вельс! — кричит она. — Найденные останки под моей защитой!

— Уходи, — говорю я.

Она слышит. И, разумеется, идёт ближе.

Зелёный свет пытается пробиться через белый, но контур уже признал меня угрозой. Третий удар приходится в грудь. Серебряная нить под печатью натягивается так резко, что я слышу собственный хрип, хотя лёгким не нужен воздух. Перила оказываются под ладонью. За ними чёрная вода канала, в которой отражаются семь огней моста.

Я переваливаюсь через край раньше, чем следующий удар заденет Миру.

Вода принимает без всплеска, будто ждала. Холод не причиняет боли — он узнаёт тело, в котором давно нет огня, и тянет вниз. Чужие сапоги набирают воду, плащ обматывает ноги. Я вижу над собой белые линии контура и маленькую тёмную фигуру, перегнувшуюся через парапет. Мира что-то кричит, но под водой остаются только глухие удары. Дно близко. Можно не дышать. Можно лежать здесь, пока стража решает, как извлечь официально сожжённого генерала из городского канала.

Эта мысль кажется почти разумной, и потому я понимаю, что теряю сознание.

Крик цепляет плащ под плечом. Ткань режет горло, тело разворачивает, затылок ударяется о каменную опору. Верёвка натягивается, но Мира не может поднять мой вес с высоты моста. Она бежит вдоль перил к служебной лестнице, тащит меня по воде и ругается так отчётливо, что некоторые слова слышны даже сквозь канал.

У нижней площадки я пытаюсь помочь. Пальцы скользят по ступени, ноги не двигаются. Мира спускается в воду до пояса, просовывает руку мне под мышку и наваливается спиной на верёвку. Её макушка едва достигает моего плеча, мокрый сюртук висит на ней, как палатка, однако отступать она не собирается. Мы выбираемся по одной ступени: она тянет, я мешаю, вода выливается из одежды, а мост над нами продолжает бесстрастно сообщать, что мёртвым вход запрещён.

— Если вы сейчас скажете, что всё под контролем, — выдыхает Мира, — я столкну вас обратно.

— Не скажу.

— Хоть чему-то учитесь.

На площадке я падаю на бок. Она сразу распахивает рубаху, прижимает ладонь к чёрной печати и шипит от холода. Тёмные жилы на её запястье вспыхивают серебром. Запах души становится резче: не прежний мягкий воск Миры Вельс, а дождь, металл и горькая чистота незнакомого места. Я перехватываю её руку.

— Не касайся печати голой кожей.

— Вы выбрали замечательное время вспомнить об опасности.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Отпустите, мне нужно понять, не порвался ли след к сердцу.

Она знает меньше Тильды о драконах, но больше большинства полевых лекарей о том, как тело держится за жизнь. Пальцы проходят по краю ожога, не давят там, где серебро выходит ближе к коже. Я отпускаю запястье. Мира поднимает взгляд, замечает это и ничего не говорит.

Над лестницей слышатся шаги стражи. Она заправляет мне рубаху, набрасывает сверху мокрый плащ и пытается поднять.

— Стоять можете?

— Да.

Я встаю и сразу опираюсь ладонью о стену.

- Это называлось «проверить предположение», — говорю я.
- Предположение подтвердилось. Вы идиот. Дальше пешком не пойдёте.

Под мостом устроено хранилище для утопленников: низкий кирпичный навес, пустая решётчатая лежанка и шкаф с известью, которую город выдаёт щедрее, чем помощь живым. Мира затаскивает внутрь похоронную тележку, усаживает меня на неё и стаскивает сапоги. Из каждого выливается столько воды, что Фенн мог бы вымыть малый зал. Затем снимает свой сюртук, выкручивает рукава и накидывает мне на плечи. Я возвращаю. Она возвращает обратно.

- Вы холоднее стены.
- Я дракон.
- Сейчас вы мокрый мужчина без сердца. Не усложняйте диагноз.

Она дрожит. Нижний край платья потемнел до колен, ладони содраны верёвкой, на щеке грязная полоса. Я снова протягиваю сюртук, на этот раз молча. Мира смотрит с подозрением, будто ожидает скрытого приказа, но надевает. Из кармана выпадает карта, которую я забрал из дома.

— Значит, вы не просто вышли прогуляться, — говорит она. — Украли карту, бирку и плащ. Миску хотя бы оставили.

- Бирку я верну.
- Она поднимает оплавленный кусок меди.
- Буду ждать.

Шаги проходят над нами. Стражники обсуждают сработавший контур и решают, что тень смыло течением. Один предлагает перекрыть нижнюю лестницу, второй не хочет спускаться в воду из-за новой формы. Их голоса удаляются к западному берегу. Мира сидит напротив на мешке с известью и молчит, пока перестаёт дрожать. Это молчание тяжелее крика.

- Ты оставила у двери нить, — говорю я.
- Фенн оставил. Он вырос в доме, где покойники иногда уходят раньше оплаты.
- Как ты поняла, куда я направился?
- Вы весь день смотрели на госпиталь на карте. Сложная загадка. Ещё вы взяли траурный плащ, но забыли переодеть сапоги. Следы серебряного пепла шли до крыши.
- Наблюдатель видел тебя?
- Видел женщину, которую разбудил срочный вызов к утопленнику. Тележка иногда полезнее воинского звания.

Она умеет лгать достаточно быстро, но не любит это. Произнесённые слова оставляют на лице короткое отвращение, направленное не на собеседника, а на необходимость. Прежняя Мира лгала иначе — замолкала, отводила глаза, надеясь, что за неё закончит чужая уверенность. Женщина напротив не похожа на неё даже в том, как сердится.

- Почему ты пришла одна?
- Тильда ходит с тростью, а Фенн весит меньше вашей мокрой рубахи. Кроме того, это мы решили, что всем безопаснее не знать.
- Если бы меня задержали, дом не связали бы с попыткой.
- На вас одежда Вельсов, в руке бирка Вельсов, на груди печать, которую прежняя Мира пыталась открыть, а за спиной штраф дому Вельс. Безупречно одиночная попытка.
- Я не мог ждать.
- Почему?
- Потому что Лиора могла быть следующей.

Ответ звучит резче, чем я хотел. Мира перестаёт выжимать волосы. За её плечом белеет известь, по кирпичной стене ползёт вода. Госпитальное окно отсюда не видно, но я знаю, где оно.

— Она моя младшая сестра, — продолжаю я. — Когда умер отец, ей было семь. Род хотел воспитывать её при гарнизоне, но я оставил Лиору у наставницы, а позже не помешал поступить во врачебную школу. Она считает, что я уважаю её решения. Обычно она права. Если Лиора увидела раненых и начала задавать вопросы, гильдия не сделает скидку на фамилию.

— И поэтому вы пошли один, не уважая моё решение.

— Это другое.

— Конечно. Ваши близкие имеют право выбирать, пока выбор вам нравится.

Я мог бы возразить. Не нахожу честных слов. Мира ждёт, скрестив руки; зубы у неё всё ещё слегка стучат. Человек, который боится меня, выбрал бы другое время для спора. Она не боится. Или считает страх недостаточной причиной молчать.

— Сколько? — спрашивает она.

— Что?

— Вы знали, что мост может вас убить. Всё равно пошли. Значит, времени меньше, чем вы сказали. Сколько его осталось?

В доме я не называл срока. Тильда говорила о семи седмицах, но не знала, когда забрали сердце. Я знал. На приказе у Главного маяка стояла дата, и в памяти она сохранилась лучше лица человека в белых перчатках.

— Тридцать один день.

Мира не переспрашивает. Только медленно опускает руки.

— Сердце извлекли восемнадцать дней назад. Гильдия объявила о смерти позже, когда убедилась, что я не проснусь сам. На сорок девятый день серебряная связь оборвётся. Даже если тело сохранится, возвращать будет некого.

— А вы собирались сообщить нам об этом когда?

— Когда удостоверюсь, что могу вам доверять.

— Для доверия вы выбрали необычный способ: украли мои вещи и дали мне вытащить вас из канала.

— Я не просил идти следом.

Мира встаёт. Небольшой навес внезапно становится теснее.

— Вот это ваша любимая ложь, генерал. Вы не просили спасти вас от печи, не просили прятать от Сельды, не просили вытаскивать из воды. Поэтому, видимо, ничего нам не должны и можете снова распоряжаться нашими жизнями, будто мы предметы в вашем штабе. Очень удобно.

— Я пытаюсь не втянуть вас глубже.

— Поздно. В моём подвале спит человек, за пропажу которого мне выписали сорок четыре серебряных. Меня уже убили из-за этого дела один раз. Глубже — только могила, и оттуда я тоже выбралась без вашего разрешения.

Слова ударяют точнее мостового контура. Чёрные жилы на её руке темнеют. Я думаю о прежней Мире в центральной ритуальной: она пыталась разомкнуть печать, кричала, что я жив, а потом упала, когда вошёл человек в белых перчатках. Женщина передо мной носит последствия чужого мужества и почему-то продолжает то, за что погибла хозяйка тела.

— Ты сказала, что была не она, — произношу я. — Я помню.

— И пока не объясню, кто именно. Не сегодня. Но я не убивала Миру Вельс и не помогала забирать ваше сердце.

— Я знаю.

Она хмурится.

— Откуда?

— Ты могла заработать на прачке шесть серебряных. Взяла три медяка. Заговорщики бывают разными, но настолько плохо считать им обычно мешает жадность.

Мира смотрит ещё несколько мгновений, потом смеётся — один короткий звук, больше похожий на выдох. Напряжение не исчезает, зато перестаёт давить на грудь сильнее чёрной печати.

— Вернёмся домой, — говорит она. — Там заключим соглашение.

— Какое?

— Обычное. На бумаге. Магических договоров с мужчинами, которые не читают предупреждения на мостах, я не заключаю.

Чтобы вернуться, мне приходится лечь на тележку. Мира находит в шкафу грубое серое полотно, накрывает меня до подбородка и прикрепляет к борту временную бирку: «Неопознанный утопленник. Под защитой проводника». Чернила расплываются от воды.

— Лицо тоже закрой, — говорю я.

— Бойтесь, что узнают?

— Боюсь, что посмертный портрет выиграет сравнение.

Она фыркает и натягивает ткань выше. Под полотном пахнет известью, каналом и старой пылью. Тележка подпрыгивает на каждой щели мостовой. Я лежу неподвижно, пока Мира тащит меня через мост под зелёным светом печати, мимо стражников и собственного изображения на стене Арсенала. За двадцать лет службы я возвращался в Лиор после осад, пожаров и трёх ранений. Ни разу — грузом в похоронной тележке, которую толкает женщина мне по плечо и тихо обещает убить, если я вздумаю встать.

У дома наблюдатель всё ещё сидит возле рыбной лавки. Мира громко жалуется ему, что утопленники нынче тяжёлые, а город не оплачивает доставку. Человек отворачивается от запаха канала. Фенн открывает боковые ворота, Тильда ждёт во дворе с тростью и выражением, от которого разумный покойник предпочёл бы вернуться в воду.

— Он был на мосту, — сообщает Мира, едва ворота закрываются.

— Я вижу, — отвечает Тильда. — Мост победил?

— С большим преимуществом.

Меня не спрашивают, могу ли я идти. Фенн берётся за вторую ручку, и тележку вкатывают в ритуальную. Я поднимаюсь сам только после того, как закрыта платформа в подвал и снаружи не остаётся ни одного окна. Мира приносит сухую рубаху, чернила и обратную сторону испорченного весового листа. На одной половине ещё указано, что девять мешков соли являлись генералом Кайреном Ардентом. На второй она пишет соглашение.

— Без побегов, — говорит она.

— Без необдуманных выходов.

— Это то же самое, только вы оставили себе право определять степень обдуманности.

— Без выходов в одиночку.

Мира записывает. Потом добавляет: дом Вельс помогает связаться с Лиорой и Ровеном, найти огненное сердце, вернуть имя. Я предоставляю всё, что знаю о госпитале, маяках и военных перевозках, помогаю выяснить, кто убил прежнюю Миру, и защищаю дом вместе с его обитателями.

— Защищаете? — Фенн смотрит на лужу под моими ногами. — От воды?

— Начну с мальчишек, которые задают лишние вопросы.

— Тогда вам придётся встать в очередь за госпожой Тильдой.

Мира не улыбается. Она кладёт перо рядом с моей рукой.

— И ещё одно. Если опасность касается всех, вы не решаете за всех.

— Это невозможно выполнять буквально.

— Тогда старайтесь по смыслу.

Я смотрю на неё. Мокрые волосы подсыхают неровными прядями, на ладонях проступили красные полосы от верёвки, чужой сюртук всё ещё застёгнут не на ту пуговицу. Она спасла меня дважды за сутки и сейчас требует не благодарности, а права участвовать в следующей опасности. Именно этого я всю жизнь не позволял тем, кого хотел уберечь.

— Хорошо, — говорю я. — Но ты тоже сообщаем, если яд изменится или появятся новые воспоминания Миры.

— Согласна.

— И не касаешься грудной печати без защиты.

— Это уже похоже на мелкий шрифт.

— Допиши.

Она дописывает и первой ставит имя: «Мира Вельс». Бумага не запирает кровь и не наказывает за нарушение. Обычный договор двух людей, которых закон считает покойниками разной степени завершённости. Я беру перо. Подпись выходит неровной, но имя различимо: «Кайрен Ардент».

— Помоги мне вернуть сердце, — говорю я, прежде чем успеваю превратить просьбу в распоряжение. — И добраться до сестры так, чтобы не погубить её вместе с нами.

Мира присыпает подписи песком.

— Помогу. А вы сможете сохранить дом и узнать, за что умерла прежняя Мира. И больше не будете проверять городские печати лбом.

Срок в тридцать один день никуда не исчезает, сердце тянет на запад, а за стеной ждёт человек Варгана. Соглашение не возвращает имени или силы. Но впервые после пробуждения я ложусь в холодной комнате не как спрятанное тело и не как командир, решивший справиться один. У меня появился упрямый, маленький и опасно живой партнёр — и тридцать один день, чтобы не перепутать заботу с правом распоряжаться чужим выбором.

Глава 6. Цена хорошей смерти

На следующее утро мои ладони напоминают плохо выделанную кожу: полосы от верёвки вздулись, пальцы сгибаются с запозданием, и перо возвращает холод ночного моста. Я всё равно сижу над старой книгой расценок. До срока штрафа один день, в кассе после покупки угля — серебряная монета, семь медяков и пуговица Саны Брей, которую считает деньгами только Скрип. Зато в книге берут два медяка за закрытие глаз, четыре — за «сокрытие следов низкого ремесла» и отдельную плату за каждое прикосновение семьи к телу. Последняя строка выведена особенно красиво. Унижение любит выглядеть прилично, когда назначает цену.

— Эту книгу составлял твой прадед, — говорит Тильда, наблюдая, как я перечёркиваю половину страницы. — Он сорок лет вёл дом и умер, не задолжав гильдии ни медяка.

— Возможно, потому что брал деньги за слёзы.

— Только если они портили белила. Белила дорогие.

— Тогда плакать надо было аккуратно и в стороне от покойного?

— Не кривляйся. Люди платят не за воду и ткань. Они платят, чтобы всё сделали правильно.

Тильда стоит у стойки сухая и негибкая, но всю ночь грела камни для человека, которого не обязана спасать, а перед рассветом молча смазала мне ладони жиром. Представления о правильном у нас различаются меньше, чем ей хотелось бы.

— Напишем, что именно сделаем: подготовка, гроб, городской огонь, доставка. Без «особого достоинства» и доплаты за то, что дочь хочет причесать мать сама. Понадобится дорогая ткань — покажем ткань, а не продадим скорбящим занавеску.

— А жить на что?

— На работу. Представьте, это иногда помогает.

Фенн, стоящий на стремянке с доской в руках, поворачивается так резко, что та сшибает с крючка траурную ленту.

— А если плачут громко, это теперь тоже бесплатно?

— В разумных пределах.

— А какие разумные?

— Пока не начинают бросаться мебелью.

— Тогда госпожа Тильда вчера скорбела бы за доплату, — решает он и ловко уклоняется от трости.

На доске расценки неожиданно становятся понятными: подготовка, городской сбор по квитанции, гроб по цене мастерской. Семья может остаться, помогать и провести прощание сама. Внизу я добавляю: «Если денег не хватает — скажите до начала работы». Тильда читает дважды, будто ищет спрятанное ругательство.

— Они решат, что мы торгуемся над телами.

— Сейчас они узнают цену уже после того, как тело внесли. Это не достоинство, а засада.

Из коридора доносится металлический скрежет, затем глухой удар. Фенн бросает доску и бежит к платформе. Я успеваю схватить его за ворот раньше, чем он распахивает дверь в малый зал: окна там выходят на рыбную лавку, возле которой наблюдатель Варгана с утра сменил камбалу на кружку и продолжает изображать человека без занятий.

Кайрен сидит у старого ворота, привалившись плечом к стене. После моста он стал ещё бледнее, а белый ожог от контура тянется от ключицы к чёрной печати. Соглашение в моём кармане не защищает от мужского упрямства, поэтому я проверяю, не решил ли партнёр снова отправиться на войну через водосточную трубу. Пока он воет с подъёмником: цепь снята с зубца, на камнях разложены штифты, рядом лежит чертёж, похожий на виселицу для крупного покойника.

— Вы должны лежать, — говорю я.

— Я лежал восемнадцать дней.

Голос звучит хрипло; он ещё не согрелся после канала, хотя на нём две рубахи и шерстяной жилет Фенна, натянутый на плечи с оскорбительной для жилета смелостью.

— И блестяще справлялись. А теперь разломали ворот.

— Он был разломан. Кто-то заменил стопор гвоздём.

Фенн втягивает голову.

— Медный штифт выпал прошлой зимой. Гвоздь держал.

— Гвоздь сточил третий зубец, — отвечает Кайрен. — При следующем полном подъёме цепь сорвало бы.

— А если не полный?

— Тогда покойник упал бы не до подвала.

Фенн обдумывает преимущество, но я не позволяю ему закончить.

— Через час сюда придут люди. Если вы собираетесь оставаться неузнанным, понадобится не только хорошее поведение.

Тильда приносит бинты, сажу, краску для волос и рабочий сюртук. Кайрен смотрит на них как вчера на серую похлёбку: оскорбление очевидно, победить его нечем. Серебряную прядь мы закрашиваем, половину лица закрываем повязкой. Тильда заставляет его сгорбиться и морщится.

— Нет, — говорит она. — Даже обожжённый подсобник не сидит так, будто сейчас произведёт ведро в офицеры. Голову ниже.

— Я не буду выходить к клиентам.

— Клиенты умеют ходить. Некоторые без разрешения. Если заговорите, вас узнают по голосу.

— Значит, не буду говорить.

— Имя нужно, — замечает Фенн. — Немного помощника без имени запомнят сильнее.

Я смотрю на генерала Кайрена Ардента, покойного героя империи, изображённого на стене Арсенала с более благородным носом, затем на его закопчённую повязку.

— Кай.

Он медленно переводит взгляд на меня.

— Коротко, — объясняю я. — Даже вы запомните.

Фенн давится смешком, а Кайрен берёт мел и пишет на ближайшей доске: «Нужен новый штифт. И ученик, способный отличить его от гвоздя».

— Вот и познакомились, — говорю я. — Работаете сидя. Фенн носит тяжёлое. Если станет хуже, оба зовёте меня.

Кайрен дописывает: «Приказ?»

— Пункт соглашения о решениях, касающихся всех. Платформа под домом, её падение коснётся особенно тех, кто сверху.

Он не улыбается, но отдаёт мел Фенну. Это считается согласием.

Сана приводит первых клиентов до девятого колокола. Она приходит за полотнами с корзиной чистого белья, а за ней тянутся две женщины, старик в матросской шапке и молодая пара, пока никого не потерявшая. Через четверть часа в приёмной пахнет мокрой шерстью и тревогой людей, привыкших, что беда требует денег вперёд. Они читают доску, уточняют про свечи, вуаль и свой саван. Тильда отвечает всё суше, но цену выше написанной не называет.

К полудню у нас четыре заказа на ближайшие дни и один — на сегодня. Люди вносят часть денег медью, серебром, распиской от мастерской. Честная цена действует странно:

кошельки перестают прятать, зато спрашивают, можно ли оставить отцовский фартук и не будут ли смеяться в районной печи над старой шалью вместо серебряной вуали. Тильда отвечает раньше меня:

— Пусть попробуют. Я сорок лет знаю начальника смены и три причины, по которым он не хочет со мной спорить.

За окном рядом с наблюдателем появляется тощий мужчина в сливовом пальто. Рем Клейд, шепчет Тильда: хозяин «Тихой пристани», двух залов у северной печи и лица, которое на похоронах выглядит дороже гроба.

Клейд входит без стука, снимает перчатку и проводит пальцем по нашей доске, проверяя не пыль, а степень падения нравов.

— Один серебряный за обычную подготовку, — читает он. — Включая семейное присутствие. Тильда, я слышал, но не поверил. Решил дать старому дому возможность опозориться перед свидетелями.

— Мы тронуты заботой, — отвечаю я. — Семейное присутствие всё ещё бесплатно. Можете воспользоваться.

Он осматривает моё платье, бинты и штрафной лист. Видимо, вместе они не складываются в хозяйку, которой положено стыдиться.

— Госпожа Вельс, похоронный дом отвечает за достоинство обряда. Если позволить родственникам мыть, одевать и трогать тело, вскоре они потребуют сами закрывать гробы.

— Некоторые умеют.

— Кто-нибудь повредит усопшего или начнёт оспаривать работу. Правила написаны не от скуки.

— Разумеется. От скуки обычно рисуют цветы. Правила пишут, когда хотят брать за них деньги.

Старик в матросской шапке кашляет, пряча смех. Клейд получает совершенно невинное лицо.

— Дешёвая смерть редко бывает хорошей, — произносит Клейд. — Когда поймёте настоящую цену работы, будет поздно.

— Настоящую цену я указываю на доске. Это вас и беспокоит.

У двери Клейд слышит щелчок цепи и заглядывает в коридор раньше, чем я закрываю проём. Кайрен сидит у ворота, бинт закрывает половину лица, рука лежит на рычаге. Он лишь опускает голову. Фенн сияет рядом с новым штифтом.

— Помощник? — спрашивает Клейд.

— Временно.

— Откуда он у вас?

— Из воды.

Клейд ждёт продолжения. Не получает.

— Обожжённый и немой, — говорит он наконец. — Вы собираете всё, от чего отказались приличные дома.

Кайрен медленно сжимает пальцы на рычаге. Если бы взгляд мог оставлять следы, на сливовом пальто открылась бы аккуратная могила. Я наступаю генералу на носок, прежде чем он забудет выбранную профессию.

— Мы стараемся не выбрасывать полезное, — отвечаю я. — До свидания, господин Клейд.

Он уходит к рыбной лавке и что-то говорит наблюдателю. У меня холодеет между лопатками: лицо Кайрена изменено для случайного взгляда, не для человека, который знает, кого ищет.

— В подвал, — шепчу я.

Кайрен указывает на цепь. Ворот движется тихо, но его левая рука дрожит. Он ставит стопор, пытается встать и замирает, упираясь ладонью в стену. Фенн мгновенно подсовывает плечо.

— Мастер после ожога плохо ходит, — громко сообщает он для тех, кто может слушать у двери. — Зато голова работает. Иногда.

Кайрен пишет мелом на рукаве мальчишки: «Цепь».

— Я видел.

«Не видел».

— Видел, просто хотел проверить.

«Плохой расчёт».

Я узнаю формулировку; челюсть Кайрена под бинтом становится жёстче. Потом он показывает Фенну, как укладывать свободное звено, и доверяет ему опустить платформу одному. Для человека, который вчера предпочёл утонуть, лишь бы не разделить решение, это почти обьятие.

Тело Арно Вейка привозят вскоре после ухода Клейда. Портовая телега присыпана опилками, но кровь пробивается между досками. Рядом женщина в выгоревшем зелёном платке держит край простыни и мальчика лет девяти. У него на шее матросский шнур с тремя узлами, ногти посинели от сжатых кулаков.

— Канат лопнул у причала, — говорит женщина, не представляясь. — «Полынная чайка» вошла на рассвете. Арно был на корме, крепил сходни. Железный наконечник... Его ударило. Лекарь сказал, сюда можно дешевле, но я не хочу, чтобы дешево значило как скотину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.